

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

ЗОЛОТО

Д.Н.Мамин-Сибиряк. «Золото». Роман, рассказы, повесть //Беларусь,
Минск, 1983
FB2: "Miledi ", 2008-02-24, version 1.0
UUID: 4ad869a5-351e-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Пир горой
(Сибирские рассказы)

Повесть.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0014
III.....	.0023
IV.....	.0034
V.....	.0043
VI.....	.0051
VII.....	.0061
VIII.....	.0071
IX.....	.0081
X.....	.0091
XI.....	.0101
XII.....	.0111
XIII.....	.0121

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Пир горой

Над озером Увек спускался весенний вечер. Скиты стояли на правом, высоком берегу, в тени векового бора, от которого потянулись длинные тени. На низинах и по оврагам еще лежал рыхлый, почерневший снег, а на пригреве уже чернела земля и топорщилась прошлогодняя сухая и желтая трава. Избитая и почерневшая дорога шла к скитам от громадного селения, залегшего на низком озерном берегу верст на пять. Селение называлось тоже Увеком, как и озеро. Зимой в скиты ездили прямо по озеру, а сейчас уже выступили желтые наледи, и дорога шла горой. Именно по этой дороге и шел странник, мужик лет пятидесяти, с обветренным и загорелым лицом. За плечами у него болталась небольшая котомка, прикрепленная к берестяному обочью, какие делают в Сибири; в руках была тяжелая черемуховая палка, точно изгрызенная с одного конца, — она говорила о далеком пути.

Странник остановился на угорье и невольно любовался развертывавшейся перед ним широкой картиной. Да, хорошее место

Увек, – недаром слава о нем прошла на большие тысячи верст, а увекские скиты привлекали к себе тысячи богомольцев. И озеро хорошо, верст на пятнадцать, а кругом лесистые горы. В дальнем конце озера зелеными шапками выделялись острова.

– Угодное место... – проговорил странник и перекрестился.

Долго он шел сюда, а теперь оставалось сделать всего несколько шагов. Вот уж приветливо смотрят бревенчатые скитские избы, и старая деревянная моленная, и целый ряд хозяйственных пристроек. Все это вместе обнесено было высоким деревянным заплотом (забором), а большие шатровые ворота всегда были на запоре. Около ворот одним маленьким волоковым оконцем глядела небольшая избушка, в которой жила сестра-вратарь. К ней и направился странник. Он постучал в оконце и помолитвовался.

– Господи, Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас!

Ответа пришлось подождать. Странник посмотрел на деревянную полочку, приделанную к окну с левой стороны, и улыбнулся. На

полочке лежал кусок хлеба для заблудящего странного человека – исконный сибирский обычай. Только на второе молитвованье в окошечко «отдали аминь» и показалась старушечья голова, замотанная платком.

– Аминь, добрый человек... Кого тебе, миленький?

– А Якова Трофимыча, мать честная...

– Якова Трофимовича? Нету у нас такого, миленький.

– Как нету? Должон быть.

– А вот и нет!..

Голова быстро скрылась, а окно сердито захлопнулось. Страннику пришлось молитвовать в третий раз и ждать дольше. Крепко живут старицы.

– Што ты привязался-то? – ворчала старушечья голова, приотворяя оконце вполонину. – Сказано, нет! Иди своей дорогой, миленький...

– А ежели у меня грамотка к матери Анфусе?..

Строгие старушечьи глаза посмотрели на странника довольно подозрительно, точно взвешивали его.

– Погоди ужо... – ответила старуха и скрылась.

Опять странник остался у ворот. Солнце уже село, и потянуло резким весенним холодком. С Увека доносился хриплый лай цепных собак, – селение раскольничье, и жили в нем по старине, крепко.

– Угодное место... – еще раз проговорил странник, подсаживаясь на приворотную скамейку. – Боголюбивые народы недаром строились. Вон как селитьба-то разлеглась, верст на шесть по берегу будет.

– Кто там хрещеный, – послышался голос в окне.

Теперь выглянуло уже другое лицо, помоложе, в черной монашеской шапочке.

– Дельце есть небольшое...

– Да ты сам-то кто будешь?

– Я-то? Ну, я, видно, дальний, а завернул в обитель с грамоткой от отца Мисаила... Крепко наказал кланяться и грамотку прислал.

– Давай грамотку-то...

– Не могу, честная старица: наказано матери Анфусе в собственные руки, а не иначе этого.

Скитские старицы пошептались, и только после этих переговоров тяжело громыхнул монастырский железный затвор. Когда странник вошел в калитку, его еще раз осмотрели и потом уже пустили дальше.

Скитский двор занимал большую площадь, обставленную простыми бревенчатыми избами. Самая большая была келарней. Двор был вычищен, а оставшийся снег таял большими кучами в стороне. Скитницы жили уютно и обихаживали свой укромный уголок с охотой, как рабочие пчелки. Сестра-вратарь провела пришельца в ближайшую избу с высоким крыльцом, где и жила сама честная мать Анфуса.

– Ужо подожди здесь, – остановила гостя сестра-вратарь, поднимаясь на крыльцо.

В окошке показалось молодое девичье лицо и посмотрело на странника удивленными серыми глазами. Это была совсем молодая девушка, лет шестнадцати, и ее лицо казалось еще моложе от черной скитской шапочки, в каких ходят послушницы. Потом это лицо сделало знак страннику идти в избу. Послушница встретила его в полутемных сенях и по-

вела в заднюю избу. Она была такая высокая и стройная, так что странник даже полюбовался про себя. Хороши на Увеке послушницы, нечего сказать!..

Войдя в избу, странник положил начал и, поклонившись сидевшей на лавке толстой старухе, проговорил:

– Прости, матушка, благослови, матушка...

– Бог тебя простит, странничек, бог благословит, – не по летам певуче ответила старуха, оглядывая гостя, – От Мисаила сказался?

– От его, видно, – ответил странник, добывая из-за пазухи кожаный кошель. – Вот тебе и грамотка, честная мать...

Старуха взяла сложенную трубочкой засаленную грамотку, внимательно ее осмотрела и проговорила:

– Егор-то Иваныч дожидает тебя. Нарочно сегодня пригнал из городу... Спиридоном тебя звать? Так, так... Давненько про тебя пали слухи. Аннушка, проводи ты его к Якову Трофимычу...

Послушница низко поклонилась и, опустив по-скитски глаза, вышла из избы. Спиридон, отвесив поклон честной матери, пошел

за ней. Они опять вышли на двор. Девушка повела его в дальний угол, где двумя освещенными окнами глядел новенький бревенчатый флигелек, поставленный в усторонье.

– Из тайги пришел? – спрашивала послушница, легкой тенью двигаясь в темноте.

– Оттедова, голубушка... А ты кто такая здесь будешь?

– Я-то? А дочь Егора Иваныча... Мамынька-то у меня померла, ну, тятя сюда меня и отдал, под начал матери Анфусе. Четвертый год здесь проживаюсь...

– Так, так...

У флигеля пришлось опять молитвовать, пока в волоковом оконце не показалось бледное женское лицо.

– Это ты, Аннушка?

– Я, Агния Ефимовна... Вот привела к вам таежного мужика.

Окно захлопнулось. Потом где-то скрипнула дверь, и в сенях показался колебавшийся свет. Агния Ефимовна сама отворила сени и выпустила гостя. Он снял шапку и вошел в низенькую горницу, слабо освещенную нагоревшей сальной свечой. У стола в переднем углу

сидели два старика – один совсем лысый, с закрытыми глазами, другой плотный и коренастый, с целой шапкой седых кудрей и строгими серыми глазами. Спиридон по этим глазам узнал в нем отца Аннушки. Положив начал, он поклонился и стал у двери. Аннушка передала грамотку отцу и ушла с Агнией Ефимовной в соседнюю горницу, притворив за собой дверь.

Егор Иванович надел большие очки в медной оправе и принялся читать грамотку Мисаила. Читал он долго, поглаживая седую бороду и изредка взглядывая поверх очков на стоявшего у дверей странника. Слепой лысый старик сидел понуро на своем месте и жевал губами.

– Ну, што? – спросил слепой, когда Егор Иванович снял очки и начал их укладывать в медный футляр.

– А вот спросим Спиридона, – ответил Егор Иванович. – Ну, Спиридон, што ты нам скажешь?

Спиридон тяжело переступил с ноги на ногу, опять вытащил из-за пазухи свой кожаный кошель, добыл из него что-то завернутое

в тряпочку, развязал ее зубами и положил на стол. На тряпочке ярко желтело мелкое золото.

– Вот оно самое... – тихо проговорил он, оглядываясь на запертую дверь.

– Может, у бухарцев купил? – недоверчиво спрашивал Егор Иваныч, перегребая пальцем золотой порошок.

– Нет, сам добыл, Егор Иваныч... На охоте с орочоном встретился, а он мне и указал место. Могу доказать... Богачество, Егор Иваныч! Ежели бы господь благословил, так большие тысячи можно в тайге добыть...

Слухи о сибирском золоте ходили уже давно среди уральских раскольников, особенно среди тех из них, которые вели крупные торговые дела с киргизской степью. Егор Иваныч вырос в подручных у крупных торговцев салом, Ивачевых, и не один год провел в степи. Там, на степных стойбищах, в киргизских аулах и кибитках, он слышал десятки рассказов о сибирском золоте, скрытом в глубинах непроходимой тайги, как заветный клад. Эти рассказы переходили из рода в род, и никому еще до сих пор не удалось добраться до сокровища, несмотря на очень смелые попытки, как, например, история знаменитых братьев Поповых, положивших на это дело миллионы. Егор Иваныч успел состариться, а сокровище оставалось нетронутым. И вот теперь, когда его голова уже покрылась первым снегом, оно само пришло к нему, это сокровище. Во всей истории было что-то сказочное: и Спиридон, и старец Мисаил, и слухи, которые опередили Спиридона. Сам Спиридон не внушал Егору Иванычу доверия: мало ли по Си-

бири таких бродяг шатается! Просто купил у бухарцев золота и подманивает.

– Ну, вот что, мил друг, утро вечера мудренее! – строго проговорил Егор Иваныч, поднимаясь с места. – Сегодня ты ступай в Увек, там заночуешь. Третья изба с краю... Скажи, что Егор Иваныч прислал. Да смотри: ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.

Мужик посмотрел на Егора Иваныча исподлобья, как настоящий травленный волк, а потом свернул свою тряпочку с золотом и ответил:

– Што же тут держать-то: я никого не неволю. Дело любовное, Егор Иваныч.

Егор Иваныч покраснел, не сдержался и только сухо ответил:

– Што же, другим понесешь золото?

– А хошь бы и так... Ведь ты меня не купил. Говорю любовное дело. Брюхо за хлебом не ходит...

– Как ты сказал, мил человек?

– А так и сказал... Сначала коня запрягают, а потом в сани садятся. Я-то вот тыщи с три верстов отмерил до тебя, а ты меня пирожком накормил...

У Егора Иваныча глаза потемнели от бешенства, – очень уж дерзкий мужичонка, – но он переломил себя и только заметил:

– Зубы-то, мил человек, побереги. Пригодятся...

– У волка в зубе – Егорий дал! – смело ответил странник.

Когда он вышел, Егор Иваныч громко ударил по столу кулаком.

– Нет, как он разговаривает-то, челдон?! – кричал старик, давая волю накопившемуся негодованию. – Слышал, Яков Трофимыч?

– Как не слышать, – равнодушно подтвердил слепой. – Значит, вполне надеется оправдать себя, ежели такие слова выражает. И то сказать, што ему кланяться нам со своим золотом?..

– Да ведь это еще в трубе углем написано, его-то золото!.. Надо его еще найти, а он вперед на дыбы поднимается... Одним словом, варнак...

– Не велик, видно, зверь, да лапист. А Мицаил-то што пишет?

– Да вот послушай, Яков Трофимыч... Очень уж уверился старичок вот в этом са-

мом Спиридоне. Как бы ошибки не вышло.

Егор Иваныч опять оседлал свой нос очками, развернул грамотку и только приготовился читать, как в горницу вошли Агния Ефимовна и Аннушка. Старик нахмурился и проговорил, обращаясь к дочери:

– Анна, ты иди-ко к себе в келью. Не бабьего это ума дело, штобы наши разговоры слушать...

Послушница простилась и вышла, а Агния Ефимовна, как ни в чем не бывало, подсела к мужу, положила к нему руку на плечо и вызывающе посмотрела на сердитого гостя своими большими карими глазами. Егор Иваныч вскочил и грузно заходил по комнате.

– Ну, што же Мисаил-то? – спросил слепой.

– Ах, отстань!.. Терпеть ненавижу, когда, напримерно, всякая баба будет нос совать не в свое дело. Всяк сверчок знай свой шесток...

– Куда же мне идти от слепого мужа? – спрашивала Агния Ефимовна самым простым тоном. – Он как малый ребенок без меня...

– Не тронь ее, Егор Иваныч, – вступился за жену слепой. – Она у меня разумница... Не бойся, не разболтает чего не следует. Ты, Аг-

нюшка, не бойся...

– И то не боюсь, Яков Трофимыч. Не какая-нибудь, а мужняя жена. Некуда мне уходить-то...

Агния Ефимовна была еще молода, всего по тридцатому году, и сохраняла еще свою женскую красоту. Лицо у нее было тонкое, белое, нос с легкой горбинкой, брови черные, губы алые; сидение в скитском затворе около слепого мужа придавало этому лицу особенную женскую прелесть. Вывез жену Яков Трофимыч откуда-то с Волги, когда зрячим ездил по своим делам в Нижний. Егор Иваныч как-то инстинктивно не любил вот эту Агнию Ефимовну, правильнее сказать, не верил ни ее ласковому бабьему голосу, ни этому смиренному взгляду, ни ее любви к мужу. Сейчас в особенности старик ненавидел эту женскую прелесть, мешавшую делать большое мужское дело.

– Ну што же ты, Егор Иваныч? – спрашивал слепой. – Што тебе Мисаил-то пишет?

– Не мне, а матери Анфусе, – поправил его Егор Иваныч. – Дело не в письме, Яков Трофимыч... Нет, не могу я с тобой по-сурьезному

разговоры разговаривать!..

Слепой тихо засмеялся, откинув назад голову. Агния Ефимовна поднялась, выпрямилась и заговорила твердым голосом:

– Ты не можешь, Егор Иванович, так я тебе скажу...

– Ну, ну, скажи! – подзадоривал старик, усаживаясь к столу. – В чем дело, Агния Ефимовна? Поучите нас, дураков...

– Приходится, видно, поучать... Зачем Спиридона отвел сейчас? Характер свой захотел потешить? Только одно забыл, што этот Спиридон из тайги сюда три месяца шел, што ежели бы его поймали на дороге с золотом, так ни дна бы, ни покрывки он не взвидел, што... Одним словом, нужный человек, а ты ему ни два ни полтора.

– Верно, Агньюшка, – поддакивал слепой. – И я то же говорил... Егор Иванович, ты не сердчай, а у нас все заодно: у одного на уме, а у другого на языке.

– Так, так... Правильно! – иронически согласился Егор Иванович. – Еще не скажешь ли чего, матушка Агния Ефимовна? Откедова ты это все вызнала-то, скажи-ко попервое всего?

- А сорока на хвосте принесла...
- А не сказала тебе сорока, чего будет стоить эта игрушка со Спиридоном?
- Тысяч на тридцать можно обернуться...
- А где их взять?
- Яков Трофимыч даст... Дело верное, ежели старец Мисаил одобряет. Не таковский человек, штобы зря говорить.

Егор Иваныч поднялся, прошелся по комнате, остановился около слепого и проговорил сдавленным голосом:

- Дашь, што ли, Яков Трофимыч, ежели дело на то пойдет? Мисаил-то пишет, действительно, того...
- Дать, Агнюшка? – спрашивал слепой.
- Ежели старец Мисаил благословляет, так, известно, дать, – решила Агния Ефимовна. – Ему-то ближе нашего знать...

Егор Иваныч стоял и молча смотрел на мудреную бабу. Ох, велика человеческая слабость, особливо, когда бес прикачнется вот на такой лад, с бабьими лестными словами!.. И сам он то же думал, только не хотел показывать виду, а баба все и вывела на свежую воду, как пить дала...

– А ты бы, Агния Ефимовна, все-таки вышла бы лучше в свою горенку, – проговорил Егор Иваныч, выдерживая характер. – Бабье-то «так» пером по воде плавает...

– Не тронь ты ее!.. – взмолился слепой. – Она у меня вместо глаза. Поговорим ладом... Што она, што я – разговор один.

– А ежели не привык я с бабьем разговаривать? Ну, да дело твое. Немоощь тебя обуяла, Яков Трофимыч. Оно и взыскивать не с кого... Я это так, к слову пришлось.

Беседа задлилась во флигельке за полночь. Говорил один Егор Иваныч, обсуждая новое дело со всех сторон. Агния Ефимовна все время не проронила ни одного слова, точно воды в рот набрала. В конце концов состоялось соглашение, и старики ударили по рукам.

– По первопутку поеду в тайгу со Спиридоном сам, – говорил Егор Иваныч. – А там, што бог даст...

Агния Ефимовна вышла провожать старика в сени и, стоя на пороге, проговорила:

- Моя любимая половина, Егор Иваныч.
- Из чего это половина-то?
- А из чистых барышей...

Старик только тряхнул головой: черт, а не баба.

Появление Спиридона в Увеке наделало шуму во всем раскольничьем мире. Молву о сибирском мужике, отыскавшем золото, разнесли по богатым раскольничьим милостивцам разные старушонки-богомолки, странники, приживальцы – вообще весь тот люд, который питался от крох падающих. Откуда могли вызнать все это проходимцы, трудно сказать, тем более, что переговоры Спиридона с Егором Иванычем происходили келейно. Как-никак, а молва докатилась через несколько дней до города Сосногорска, где жили богатые промышленники и заводчики: Огибенины, Рябинины, Мелкозеровы. По богатым палатам сосногорских толстосумов шли теперь оживленные толки, и все они сводились на Егора Иваныча, который продался слепому Густомесову. Каждому хотелось отведать сибирского золота, и каждый мог только завидовать счастью слепого Якова Трофимыча, – вот уж именно «слепое счастье». С другой стороны, всем было понятно, как совершились события: старец Мисаил, к которому пришел

Спиридон, сделал засылку честной матери Анфусе, чтобы оповестила богатых милостивцев, а честная мать Анфуса давно дружила с Егором Иванычем, единственная дочь которого воспитывалась в скиту у Анфусы. Дальше уж пошло само собой: Густомесов проживал в скиту уж близко десяти лет и кормил всю обитель, – ну, Анфуса и направила к нему Егора Иваныча, а Егору Иванычу тоже не вредно, если поведет все дело на капиталы слепого хозяина – сам большой, сам маленький будет во всем. Одним словом, история разыгралась, как по писаному, и комар носа не подточит.

Нашлись любопытные, которые нарочно ездили в Увек, чтобы хоть издали поглядеть на таинственного сибирского мужика. Он проживал в избе у старухи-бобылки и показывался только на озере, куда выезжал на плотике удить рыбу. Целые дни проводил он за этим «апостольским ремеслом» и ни с кем не хотел водить знакомства. Даже в скит к Анфусе ходил редко, и то на службу. Крепкий был мужик, одним словом. Выискался было один шустрый подручный от Рябининых, который с удочкой подчалил на лодке к плоти-

ку Спиридона, чтобы завести знакомство, но и из этого ничего не вышло, – хитрый сибирский мужик даже не взглянул на него и сейчас же поплыл к своему берегу.

– Оборотень какой-то! – ругали все сибирского мужика. – Чего он сторонится всех, как чумной бык?

Дальше интересовало всех, как обойдется Егор Иваныч со своим хозяином Мелкозеровым, у которого служил с малых лет. Мелкозеров был из сальников, вместе еще с Густомесовым вел дела в степи, а потом попал в случай: продавались железные заводы у промотавшихся наследников, и Мелкозеров купил их. Все дивились необычайной смелости Мелкозерова: дело было миллионное, непривычное, а он не побоялся. Много было волокиты и хлопот, чтобы просто купить эти заводы, потому что приобретать населенные имения могли только дворяне, а не купцы. Сильно потрянул тугой мошной Мелкозеров и добился своего, а потом уже развернулся во всю ширь. Дело было громадное, прибыльное и сулило впереди миллионы. «Ндравный» человек Мелкозеров превратился быстро в самодура и

на своих заводах являлся страшной грозой. Все трепетало перед ним, тем более, что от него зависели жестокие заводские наказания. Крут был сердцем Мелкозеров, и все боялись его, как огня. Не боялся только один Егор Иванович, состоявший при нем зараз в нескольких должностях: он и с подрядчиками ведался, он и горных чиновников умасливал, он и всякие тайные поручения исполнял – везде поспевал Егор Иванович, как недремлющее око. И вдруг Егор Иванович отшатится от Мелкозерова прочь, – никто даже представить себе не мог, как это произойдет. Между тем все шло по-старому, и Егор Иванович не подавал никакого виду: все тот же Егор Иванович, точно ничего не случилось. Мелкозеров, конечно, уже знал о сибирском золоте и тоже не подавал виду, что знает что-нибудь. Крепкие люди сошлись.

Однако выпал роковой день, когда все решилось само собой. Это случилось в июле, в самую страду. У Мелкозерова было два железных завода, и управляющим состоял его племянник Капитон Титыч, такой же «ндравный» и упрямый человек, как и сам старик Мелкозеров. Летнее время на заводах тихое,

потому что рабочие распускались на страду. Сам Мелкозеров проживал в Сосногорске и потребовал к себе племянника для каких-то объяснений. Но вместо племянника получилась коротенькая записка: «Рыбу ловлю Некогда. Да и говорить нам с тобой, дядя, не о чем сейчас. Капитон Мелкозеров». Вскипел старик и послал строгий наказ послушнику явиться немедленно. В ответ получилась записка еще короче: «Не хочу. Капитон Мелкозеров». Это уже окончательно взорвало старика, и он послал на заводы нарочитых людей, чтобы привезли Капитона живого или мертвого.

– Я за все в ответе! – кричал старик. – Орудуй в мою голову!..

Прежде он поручил бы это дело Егору Иванычу, а теперь обошел его. Это был явный признак опалы. Егор Иваныч не шевельнул бровью: не его воз, не его и песенка.

Итак, стоял жаркий июльский день. Егор Иваныч по обыкновению сидел в своей конторе, устроенной при громадном мелкозеровском доме. Контора выходила окнами на улицу, и Егор Иваныч видел, как к воротам подъ-

ехала простая деревенская телега, на которой сидели четыре здоровенных мужика.

– Капитона привезли!.. – пронеслось по конторе.

Все служащие так и замерли, ожидая, чем разыграется вся история. Телега въехала во двор и остановилась у крыльца. Доложили о приехавшем госте самому хозяину. Выбежал на крыльцо оторопелый подручный и проговорил:

– Капитон Титыч, пожалуйста в контору... Лаврентий Тарасыч сейчас туда придут.

– Не хочу... – ответил лежавший на телеге Капитон; он и не мог прийти, потому что был связан по рукам и ногам.

А старик Мелкозеров уже успел спуститься в контору и смотрел в окно. Он даже зашипел от ярости, услышав такой ответ.

– Как же он придет, ежели лежит связанный, – объяснил спокойно Егор Иваныч.

– Ну, ступай приведи его, дурака...

Егор Иваныч отправился, велел развязать Капитона, но тот продолжал лежать в телеге и не хотел вставать.

– Не хочу... – ответил Капитон на все угово-

ры.

– Несите его, щучьего сына, на руках! – крикнул Мелкозеров в окно.

Здоровенные мужики подхватили ослушника на руки и внесли в контору. Трудненько было тащить здоровенного мужика, но ничего, внесли. В конторе Капитон не пожелал встать на ноги, а растянулся на полу как пласт.

– Ты это што дуришь? – накинулся на него Мелкозеров. – Да я тебя в остроге сгною... за порю!.. И отвечать не буду!

– Руки короткие, – спокойно ответил Капитон. – Не крепостной я тебе дался.

Нужно было видеть старика Мелкозерова в этот момент. Он весь побледнел, затрясся и со сжатыми кулаками бросился к Капитону. Трудно сказать, что произошло бы тут, если бы Егор Иваныч не загородил дороги. Гнев старика целиком обрушился на непрошеного заступника.

– Ты... ты... ты Иуда! – задыхавшимся голосом повторял Мелкозеров, позабывая о лежавшем на полу Капитоне. – Ты продал меня... Старая-то хлеб-соль забывается! Иуда...

Мелкозеров затопал ногами, зашипел и даже замахнулся кулаком на Егора Ивановича.

– Я все знаю... – уже хрипел он. – Да, все... Стакался ты со скитницами и обходишь теперь слепого дурака!

– Никого я не обходил, Лаврентий Тарасыч, – слегка дрогнувшим голосом ответил Егор Иванович. – Тебе вот я сорок лет прослужил верой и правдой, а не имею сорока грошей. Больше не могу... Не о себе говорю, а о дочери Аннушке... Об ней пора позаботиться. Не хочу ее нищей оставлять.

Мелкозеров даже отшатнулся от верного слуги, посмотрел на лежавшего на полу Капитона и потом проговорил, указывая на него:

– Ты сговорился с ним... Может, вместе собрались убить меня? А?!

– Зачем убивать... А только, Лаврентий Тарасыч, больше я тебе не слуга. Будет...

Это была настоящая живая картина. Центр занимал лежавший на полу Капитон, могучий мужчина с окладистой темной бородой, около него стоял Егор Иванович, немного откинув назад свою седую голову, а против них бежал Мелкозеров – высокий плечистый мужчи-

на с крутым лбом, огневыми темными глазами и бородкой клинышком. Все они были одеты по-домашнему, в раскольничьи полукафтаны, в русские рубахи-косоворотки и в смазные сапоги.

– Сорок лет тебе я прослужил, Лаврентий Тарасыч, а теперь пора и о себе позаботиться, – продолжал Егор Иваныч. – Всякому своя рубашка к телу ближе...

Капитон в этот момент поднялся и проговорил всего одну фразу:

– И я тоже...

Мелкозеров посмотрел на обоих и сказал всего одно слово:

– Вон!..

Вся контора замерла, ожидая, какую штуку выкинет Капитон, но он только посмотрел на дядю и отвернулся.

Егор Иваныч и Капитон вместе вышли на крыльцо. Они молча прошли двор и остановились у ворот. Капитон снял шляпу, поправил кудрявые волосы, по-раскольничьи подстриженные в скобку, и, погрозив кулаком в окно конторы, проворчал:

– Погоди, идол, я до тебя доберусь!..

Егор Иваныч взял его под руку и повел под гору, – мелкозеровский дом стоял на горе. Они молча прошли пол-улицы, а потом старик заговорил:

– Ну, Капитон, теперь мы с тобой на одном положении. Осенью по первопутку я выезжаю с партией в тайгу.

– Слышал...

– Ежели хочешь, поедем вместе.

– На густомесовские деньги?

– Уж это не твое дело. Попытаем счастья...

Старик боялся услышать в ответ Капитоново «не хочу», но Капитон только тряхнул головой и молча протянул руку.

– Э, где наша не пропадало, Егор Иваныч!.. Будет, поработали на прелюбезного дядюшку. Ах, так бы, кажется, пополам и перекусил его!..

– Будет, утишись. Сердце-то у вас у обоих огневое, Капитон, вот ладу-то и не выходит, а со мной уживешься.

Капитона Егор Иваныч знал с детства, когда он еще состоял при строгом дяде в мальчиках, и любил его по-хорошему, как любят хорошие люди. В упрямом мальчике было

много симпатичных сторон, а Егор Иванович жалел его, как сироту. По-своему, по-стариковски, он больше всего ценил в нем хорошую кровь. Вот и теперь: ни на волос не сдался, хоть на части режь. С огнем другого-то такого кремня поискать...

Впоследствии Егор Иванович тысячу раз раскаивался вот за эту сцену.

IV

Приготовления к походу в далекую тайгу заняли все лето. Нужно было собрать партию рабочих в пятьдесят человек, заготовить всякую приисковую снасть, провиант, одежду для рабочих – одним словом, все, что могло потребоваться за зиму в безлюдной тайге. Егор Иваныч точно помолодел и работал за троих. Он поднимался с зарей и хлопотал вплоть до ночи. В виде отдыха старик время от времени уезжал из Сосногорска в Увек, чтобы повидаться с дочерью, – это была последняя старческая привязанность, которая угнетала и делала рабом. Егор Иваныч, если можно так выразиться, был просто болен своей дочерью, хотя и старался по внешнему виду не выдавать себя. Он даже казался строгим отцом и делал суровые выговоры. Одна только честная мать Анфуса знала, как безумно любил старик свою ненаглядную Аннушку, – от нее у него не было тайн. Боже сохрани, чуть что попритчится девушке, старик сейчас же падал духом и рыдал, как ребенок, в келье Анфусы. Аннушка была его жизнью, светом,

дыханием. Можно себе представить, как Егора Иваныча волновала близившаяся разлука на целую зиму. Пока он старался не думать об этом, как мы стараемся не думать о смерти.

Недели за две до отъезда, после Покрова, Егор Иваныч приехал в скит вместе с Капитоном. Последний, хотя и был старовером, но в скиту на Увеке не бывал ни разу. От Сосногорска до озера было всего каких-нибудь двадцать верст, но Капитону все как-то не выпадала дорога именно в эту сторону. Егор Иваныч привез своего помощника с той целью, чтобы он сам переговорил со слепым Густомесовым. Все же оно лучше, а то, храни бог, помрешь в тайге и заменить будет нечем. И для Густомесова надежнее: Капитон не чужой человек.

Осенняя непролазная грязь была уже скована морозом, и небольшая дорожная повозка Егора Иваныча бойко подкатила к скиту.

– Ты смотри, Капитон, не скажи чего лишнего, – предупреждал старик, вылезая из экипажа. – Уговор на берегу... Место-то здесь тихое, не мирское. Напугаешь еще монашин... Ведь ты у меня, Христос с тобой, с норовом!

Капитон ничего не ответил, а только улыбнулся в бороду.

В скиту Егор Иваныч давно был своим человеком и привел гостя прямо в густомесовский флигелек. По обыкновению двери отворила им сама Агния Ефимовна. Она даже отшатнулась, когда увидела перед собой рослого красавца-мужчину, в упор глядевшего на нее своими сердитыми глазами.

– Што, испугалась, Агния Ефимовна? – пошутил Егор Иваныч. – Ничего, хорош зверь, ежели к рукам.

– Пусть молодые боятся, а я уж стара стала, – ответила Агния Ефимовна, оправившись. – Милости просим, дорогие гости...

Капитона поразили больше всего ярко-красные губы скитской затворницы, совсем уж не подходившие к ее полумонашескому костюму, смиренному взгляду и матовому цвету прежде времени отцветавшего лица. Когда Капитон входил в дверь и нагнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку, Агния Ефимовна невольно улыбнулась: какой он большой, да здоровый, да красивый. Ее точно огнем опалило... Бывают такие мимо-

летные встречи, которые оставляют в душе неизгладимый след и служат какой-то роковой гранью, разделяющей жизнь на разные полосы. Иногда какая-нибудь ничтожная мелочь западает в память и выступает с яркой силой при каждом удобном случае. Впоследствии, когда Агния Ефимовна думала о Капитоне, она не могла представить его себе иначе, как именно входящим, нагнувшись, в дверь их скитской горницы.

– Вот ты какой, Капитон! – удивился Яков Трофимыч, ощупывая гостя без церемоний. – Из всего дерева выкроен... А дяде так и отрезал тогда: «Не хочу!» Ну, молодец... С Лаврентием-то Тарасычем мы прежде хлеб-соль водили, а теперь он и забыл про меня. Все забыли... да... Карахтерный человек Лаврентий Тарасыч!.. А ты ему: «Не хочу!» Ха-ха!..

Капитон почувствовал себя в этой маленькой горнице как-то особенно жутко. Ему точно было совестно и за свой рост и за свое богатырское здоровье, а тут еще этот смех лысого слепца. Больше всего смущало Капитона то, что все время он чувствовал на себе пристальный взгляд Агнии Ефимовны, которая

точно впиалась в него своими зеленоватыми, как у кошки, глазами. Его так и тянуло самому рассмотреть ее хорошенько, да было совестно Егора Иваныча. В горнице она показалась ему совсем другой, чем в сенях, точно она помолодела, переступив порог. Он плохо помнил, о чем шел деловой разговор, охваченный каким-то смутным беспокойством. Да, это была тревога, вроде того, когда глухой ночью раздается неожиданный стук в дверь. Егор Иваныч заметил произведенное хозяйкой впечатление и несколько раз посмотрел на богатыря строгими глазами. Не замечал, конечно, ничего только Яков Трофимыч, который чувствовал себя как-то особенно весело и пересыпал серьезный разговор шуточками и прибаутками.

– Полюбился ты мне, Капитон! – повторял он. – Жаль в Сибирь тебя отпускать...

– Даст бог, еще вернемся... – как-то глухо ответил Капитон, глядя в угол. – Не на смерть прощаемся.

Егор Иваныч как-то разом оборвал разговор и начал прощаться. Агния Ефимовна проводила их в сени. Она не проронила в тече-

ние разговора ни одного слова и простилась молча. Когда Капитон шел по скитскому двору, он чувствовал как-то всей своей спиной, что Агния Ефимовна смотрит на него. Подходя к игуменской келье, он не вытерпел и оглянулся: она действительно стояла в дверях, прислонившись к косяку головой, точно оглушенная.

«Этакая змея подколодная!.. – думал Егор Иваныч, поднимаясь по игуменской лестнице на крылечко. – Съесть готова глазищами. Вон как замутила Капитона-то...»

Честная мать Анфуса что-то разнемоглась и приняла гостей, лежа на лавочке. Около нее сидела Аннушка. Когда Капитон вошел в игуменьину келью, он почти никого и ничего не видел. Да и какое было ему дело до кого-нибудь...

– Што вы больно долго собираетесь-то? – тихим голосом спрашивала мать Анфуса. – Долгие-то сборы не всегда к добру...

– Да уж такое дело, мать Анфуса, што скоро его не повернешь, – объяснял Егор Иваныч. – Не шутки шутить едем. Вот снежок выпадет, тогда мы и укатим по первопутку. Так и пар-

тия снаряжена... Всего-то, может, недельки с две и жить здесь осталось.

Последняя фраза произвела на девушку неожиданное действие. Она припала к отцу своей головкой и горько заплакала.

– Ты это о чем, глупая? – упавшим голосом спрашивал Егор Иванович, глядя русую головку. – К весне вернемся... Ну, о чем?

– Так, тятя...

Этот прилив дочерней нежности сразу вышиб Егора Ивановича из делового настроения, и он умоляющими глазами посмотрел на мать Анфусу.

– Аннушка, ступай к себе! – строго проговорила старуха. – Нечего тебе здесь делать...

Девушка горячо обняла отца и с глухими рыданиями выбежала из комнаты. Егор Иванович поднялся, сделал несколько шагов и, пошатываясь, остановился у окна. По его лицу градом катились слезы. Капитон все время сидел, опустив голову, и разглядел Аннушку только тогда, когда пробежала мимо него. Пред ним мелькнуло это заплаканное девичье лицо, как чудный молодой сон. Теперь Капитон смотрел с удивлением на всхлипывав-

шего Егора Иваныча и ничего не мог понять.

– Будет тебе блажить, Егор Иваныч! – ворчала мать Анфуса. – Слава богу, не маленький... И девку разжалобил и сам нюни распустил!

В комнате наступила неловкая пауза. Слышно было только, как вздыхал Егор Иваныч, сдерживая душившие его рыдания.

– Ведь одна она у меня... – шептал он, не поворачиваясь от окна. – Как синь порох в глазу... Еще кто знает, приведет бог свидеться либо нет... Все под богом ходим. Ну, Капитон, едем домой!

Всю дорогу Капитон молчал и только изредка встряхивал головой, точно хотел выгнать какую-то неотвязную мысль. Уже подъезжая к городу, он проговорил:

– А ведь я не знал, што у тебя есть дочь, Егор Иваныч!

– А для чего бы я жить-то стал? Для нее и в тайгу еду... Может, бог и пошлет ей счастье...

После некоторой паузы Капитон заметил:

– А зачем квасишь девку в скиту?

Егор Иваныч посмотрел на Капитона и, к удивлению, заметил на его лице то упрямое

выражение, когда он говорил «не хочу». Мудреный был человек Капитон.

Первый снежок послужил сигналом к отъезду. Егор Иванович в последний раз приехал в скит на Увеке. Прощание с Аннушкой было самое трогательное. Старик уже не стыдился собственных слез.

– Смотри, Анна, ежели я помру в тайге, вот тебе вторая мать, – повторил Егор Иванович несколько раз, указывая на честную мать Анфусу. – Слушайся ее, как меня... Она худу не научит.

– Тятенька, я тогда пострижение приму... – отвечала Аннушка, заливаясь слезами. – Нечего мне в мире делать!

Потом девушка была выслана, и старики занялись серьезным разговором.

– Рассчитал тебя Лаврентий Тарасыч? – спрашивала старуха.

– Как же, рассчитал... Прислал сто рублей.

– Это за сорок-то лет службы? Ведь ты без жалованья у него служил...

– И за это спасибо. Ну, да бог с ним... Вот Капитону прислал целых три тысячи, чтобы, значит, чувствовал. Такой уж особенный че-

ловек...

– Уж через число особенный-то...

Честная мать была как-то особенно задумчива и после деловых разговоров сообщила томившую ее заботу:

– Пали из Москвы слухи, Егор Иваныч, што позорят нашу обитель никонианы. Строгости везде пошли. Головушка с плеч – вот какая забота прикачнулась.

– Никто, как бог, честная мать...

Когда Егор Иваныч зашел проститься к Густомесову, Агния Ефимовна встретила его с опухшими от слез глазами.

– О чем это ты разгоревалась так, матушка? – удивился Егор Иваныч, здороваясь.

– А уж мое дело!.. Тебя просить не буду, штоб пожалел! – отрезала Агния Ефимовна. – Ступай к слепому черту.

Сам Густомесов тоже держал себя как-то странно и все говорил о Капитоне:

– Вот как он мне поглянулся, Егор Иваныч, твой-то Капитон. Помру, пусть Агнюшка замуж за него идет... Деньги-то ведь все я ей оставляю. Пусть повеселятся да меня вспоминают... Хе-хе! У молодых-то мысли в голове,

как лягушки сивчут.

– Не ладно ты говоришь, Яков Трофимыч... Только напрасно Агнию Ефимовну обижаешь.

– Я? Обижаю?.. Да ведь она меня любит, моя голубушка, а любя, все терпят. Она меня любит, Агнюща, а я Капитона люблю. Хе-хе!..

Егор Иваныч с тяжелым чувством оставил густомесовский флигелек. Нехорошие слова говорил Яков Трофимыч и совсем не к лицу. Провожая его, Агния Ефимовна шепнула:

– Скажи поклончик Капитону Титычу... скажи, что буду богу за него молиться.

– Ах, Агния Ефимовна, Агния Ефимовна! Себя-то пожалей, а об Капитоне позабудь: ветер в поле, то и Капитон для тебя.

Агния Ефимовна только улыбнулась сквозь слезы. Тоже выискался советчик: себя пожалей...

Долго простояла Агния Ефимовна в дверях сеней, похолодела вся, а уходить не хотела. Вот и Егор Иваныч скрылся давно, и снежок падает, мягкий такой да белый, а она все стояла, стояла и стыла от щемившей ее тоски. Господи, хоть бы умереть!.. Ведь другие умирают же, а она должна жить. Закроет глаза Агния

Ефимовна и видит Капитона, руками к нему тянется, какие-то ласковые слова говорит... И сердце обмирает, и голова кружится, и страшно делается... А там, из горницы, доносится старческое ворчание: «Агнюша, где ты? Агнюша!..» Агния Ефимовна знала вперед, что теперь начнутся умоляющие ноты, потом слезливые, потом угрожающие: «Агнюша, голубушка, маточка... ах, Агнюша!»

Она вернулась в горницу вся холодная, продрогшая. Старик схватил ее за руку и сейчас же ощупал лицо.

– Ты плакала? Об нем плакала? О, змея подколотная!..

Он захрипел от бессильного гнева, а она вся дрожала, чувствуя, как эта мертвая рука опять тянется к ее лицу.

– Убить тебя мало... задушить... изрезать на мелкие части... растерзать!..

Она молчала и только закусил губы, когда старик начал ломать ее тонкую руку. Потом этот порыв ярости сменился нежностью, что еще было хуже.

– Агнюша, миленькая... голубка... Ведь ты любишь меня? Потерпи еще малое время:

скоро я помру... пожалей старика... Ну, любишь? Агнюшка, маточка... слезка моя!.. Умру, все тебе оставлю! Поминай старика...

Она молчала.

Старик оттолкнул ее и дико захохотал.

– Прочь от меня, дьявол!.. Ха-ха!.. Ты о нем думаешь, о Капитоне... Вся ты одна ложь и скверна! И думай, а Капитон на другой же-нится! Другую будет ласкать-миловать. Ха-ха!.. Завидно тебе, маточка, ох, как завидно, а ничего не поделаешь! Здоровый он, Капитон-то, молодой, кровь с молоком, глаза, как у ясного сокола, и все другой достанется... Другая-то и будет заглядывать в соколиные глаза, другая будет разглаживать русые кудри... Другая порадует за тебя, Агнюшка, а ты вот со мной горе горевать будешь!

Ответом были глухие рыдания.

– Агнюша, где ты?.. Агнюша, подойди ко мне... Агнюша, не убивайся: скоро я помру, маточка!

Слепой поднялся и, протянув руки вперед, пошел на глухие всхлипывания. И вот опять тянутся к ней эти холодные руки, опять они ощупывают ее лицо, а она сидит и не может

шевелинуться. Яков Трофимыч присел на лавку рядом с ней, обнял и припал своей лысой головой к ее груди. Эти ласки были тяжелее вечной брани, покоров и ворчания. Она вырвалась. Сейчас ее сквернили эти руки.

– Нет, не надо... Убей меня лучше! – глухо шептала она. – Ничего я не знаю... ничего мне не нужно... Тошно, тошно, тошно!..

– Агнюша, маточка...

– Не подходи ко мне! Я... я... я ненавижу тебя... я сама тебя убью... отравлю... изведу...

– Агнюшка! Миленькая!..

И эта пытка продолжалась целых десять лет, бесконечных десять лет!..

Густомесов выбился в люди из приказчиков одного богатого сальника. Молва гласила, что он ограбил хозяина, когда тот умирал в степи. Это было началом. А затем Густомесов развернулся уже самостоятельно. Он повел широкое дело со степью, скупая сало, кожи и целые гурты курдючных баранов. Неправедные денежки вернулись сторицей, и Густомесов уже немолодым задумал жениться. Для этой цели он нарочно отправился в поволжские скиты и там высмотрел себе сиротку-де-

вушку, тоненькую, бледненькую, но писаную красавицу. Ей едва минуло шестнадцать, а ему было уже за тридцать. Вывезя молодую жену на Урал и поселившись с ней в Сосногорске, Густомесов от сального дела оставил один салотопный завод, а поездки в степь бросил. У него был уже свой кругленький капитал, и он пустил его в оборот другим путем. В описываемое нами время в Сосногорске не было ни банков, ни ссудных касс, и Густомесов начал давать деньги «под проценты». Нуждающихся всегда довольно, особенно в торговом мире, и эта операция дала Густомесову гораздо больше, чем даже темное дело со степью, когда он покупал сало и баранов на фальшивые ассигнации. В каких-нибудь пять лет капитал утроился, но именно в этот момент он ослеп и должен был по возможности ликвидировать все дела и жить на проценты. Последнее было не трудно сделать, но несчастье заставило изменить весь образ жизни, и Густомесов переехал с молодой женой в ски-ты на Увеке.

Всегда подозрительный, здесь он превратился в деспота. Проведя всю молодость в по-

воложских скитах, Агния Ефимовна опять очутилась за монастырской стеной, но на этот раз со слепым мужем. Она отлично понимала, что это скитское сидение было устроено специально только для нее, чтобы предохранить от какого-нибудь вольного или невольного бабьего греха. И она томилась в скитской неволе год за годом, не видя впереди ничего, кроме того же черничества. До известной степени ее спасала только полученная у раскольничьих мастериц строгая выдержка и привычка покоряться. Но и у этой заживо погребенной за скитской стеной женщины по временам являлась смутная и тяжелая тоска по неиспытанной воле, какой-то большой призрак неосуществимой надежды... Ведь вот тут, сейчас за скитской калиткой уже начиналась жизнь; живые люди любили и ненавидели, радовались и плакали; для них была и весна, и лето, и зеленая мурава, и все то, чем вольная жизнь красна.

С отъездом Егора Иваныча и Капитона Тистыча в Сибирь в скиту на Увеке потянулись особенно скучные дни. Вообще скитская жизнь не отличалась весельем, а тут уж совсем было тошно. Агния Ефимовна ходила как в воду опущенная. Она теперь придумала новую манеру держать себя с мужем: сядет куда-нибудь в уголок и молчит хоть докуда.

– Агния!.. – взывал слепой, протягивая руки. – Агнюшка... ангелочек...

Единственным ответом служила гробовая тишина. Слепой начинал волноваться и напрасно старался сдерживать себя. Он вставал и начинал обшаривать свою келью, как тень. Агния Ефимовна не шевелилась и только следила за своим мучителем полными ненависти глазами. Она не шевелилась и тогда, когда эти холодные, дрожавшие руки находили ее, схватывали за плечи и тянули к себе.

– Агнюшка, касаточка, отзовись... Вымолви словечушко!

Молчание.

Яков Трофимыч вдруг закипал бешен-

ством и накидывался на жену, как зверь. Она чувствовала, как эти холодные руки впились в ее шею и начинали ее душить. Раз два она вырывалась из этих рук вся растерзанная и прибегала к матери Анфусе в самом ужасном виде: волосы распущены, платье разорвано, на шее следы душивших пальцев.

– Милушка, полно вам грешить... – уговаривала честная игуменья, качая седой головой. – Статошное ли это дело, штобы в обители такое мирское смятение?

– Ох, тошненько, матушка! – плакалась Агния. – Не пойду я к своему мучителю – и все тут. В обители ведь мы живем, а он неподобного требует. Как-то цельную ночь в сенках простояла, а он цельную ночь искал меня... Видеть его не могу, матушка. Вот как тошно... В пору руки на себя наложить.

– Ах, милушка, какие ты слова говоришь!... – журила игуменья. – Бог терпеть велел, а ты вот што говоришь-то...

– Было бы для кого терпеть, матушка. Извел он меня, всю душеньку вынул...

Густомесов был для обители находкой, как милостивец и кормилец, и, кроме того, он

обещал после смерти оставить скиту половину своего состояния; поэтому честная мать Анфуса употребляла все усилия, чтобы уговорить Агнию и вообще помирить мужа с женой. Было старухе своих скитских дел по горло, а тут еще приходилось идти к Якову Трофимычу и уговаривать его.

– Вот што, милостивец, – говорила игуменья Густомесову, – оставь ты Агнию, не тревожь... Раздоры-то ваши всю обитель смущают. Неподобного требуешь... Забыл, что в обители живешь.

– Задушу я ее, змею! – кричал слепой муж. – Своими руками задушу и отвечать никому не буду...

– Перестань грешить, Яков Трофимыч...

– Я знаю, о ком она думает... Молчит, а сама все о нем думает, о Капитошке. Я-то ведь знаю, все знаю... Извела она меня своим молчанием.

– А ты стерпи... Успокоится баба, – ну, и пойдет все по-старому. Тебя и то бог убил, а ты мирские мысли все думаешь. Будет, погрешил, когда на миру жил... И мне не подобает слушать твои пакостные речи, не для этого

обитель ставилась.

Эти строгие внушения сразу смиряли бушевавшего слепца. Он садился к столу, закрывал лицо руками и начинал плакать.

– Грехи надо замаливать, а не о жене думать, – наставительно говорила игуменья.

– Ох, знаю, честная мать... Без тебя знаю!.. Только вот силы не хватает на смирение... Чувствую я, што она тут, Агния, ну и того... Красивая она, молодая, а я грешный человек...

– Тьфу!.. Слушать-то тебя мучительно... Ужо вот на поклоны поставлю, тогда узнаешь, как такие слова говорить. Какой на мне чин-то, греховодник?

– Да ведь жена она мне, значит, вся моя, и греха тут нет...

– Тогда выезжай из обители... Все тут разговоры с тобой.

Честная мать знала, что Яков Трофимыч не выедет из скита, – где он найдет такой крепкий досмотр за женой? – и пускала это средство, как самое решительное. Затем ей опять приходилось уговаривать Агнию и вести ее к мужу.

– Ты у меня смотри... – грозила смиренному слепцу старуха. – Чуть што, так я и лестовой тебя поначалу. Найдем управу... Агния, а ты слушайся мужа. Что бог дал, тем и владай...

Агния молчала, зная, что все пойдет по-старому. Сначала муж будет приставать с жалобными словами, а потом рассвирепеет. Она предпочитала последнее: пусть лучше убьет разом.

Какие ужасные ночи она проводила в своем заточении... и все думала о нем, о Капитоне Титыче. Пробовала отмаливать это наваждение, но и молитва не спасала – не было в ней настоящей молитвы. «Приворожил он меня, присушил», – с тоской думала Агния и приходила в ужас от собственного бессилия. Ничего не могла она с собою сделать и опять начинала думать о сердитых и ласковых глазах Капитона Титыча.

Только и было отдыху Агнии Ефимовне, когда слепой муж укладывался после обеда спать. Хотя один час покойно проспит... К этому времени обыкновенно приходила Аннушка – она тоже едва урывалась от своей скит-

ской работы. Присядут молодые женщины куда-нибудь на крылечко и разговаривают свои разговоры. Стояло уже лето, дни были жаркие – так и томит жаром.

– Купаться просилась у матери, – жаловалась Аннушка, – озеро-то тут и есть, только под гору сбежать... Не пустила. Говорит, угодники-то по пятидесяти годов не обнажали себя, а ты выдумала, озорница, плоть свою тешить.

– Им все нельзя, старухам... – вздыхала Агния. – Чужой век изживают. Я-то привязана к мужу, как цепной пес, а ты-то с чего изводишься в скиту? Кабы я была на твоём месте, так...

– А тятенька?..

Агния только улыбалась. Что такое тятенька? Он тоже старик, а молодым когда был, так по-молодому и думал. Девушка – вольный человек, пока не запоручила свою голову.

Они вместе гуляли по скитскому двору, когда надоедало торчать на крылечке. Любимым местом Агнии была «стенка».

– Аннушка, пойдем на «стенку»?

– А игуменья увидит? Да и Яков Трофимыч

тебя хватит...

– Пусть хватается, постылый... Час – да мой!

«Стенка» была у самых ворот. Скитские сестры, прежде чем отворить крышку, выглядывали сверху из-за тына, причем подставлялась деревянная лесенка. Из-за тына можно было видеть и озеро Увек и громадное селение. Сестра-вратарь обыкновенно не пускала на «стенку» и сердилась, но Агния умела ее уластить. Аннушка только дивилась, откуда у Агнии такие слова берутся.

– Ох, снимете вы с меня голову, – ворчала старуха-вратарь. – Ужо, того гляди, проснется честная мать...

– Мы только чуточку поглядим, – говорила Агния. – Ведь мы не скитские сестры, а мирские... Нечего с нас взять.

Агния и Аннушка вместе взбирались на лесенку и любовались «миром». Боже, как там хорошо!.. И сколько там вольного народа живет! И всем-то весело, всем хорошо! Бледное лицо Агнии покрывалось тонким румянцем, и Аннушка каждый раз любовалась ею: писаная красавица эта Агнюшка!

– Вот взять соскочить с тыну – только и видели... – говорила Агния, заглядывая через тын. – И ушла бы, кабы не своя неволя... Ты думаешь, меня Яков Трофимыч связал?..

У Агнии глаза начинали блестеть, грудь поднималась высоко – вся она была огонь и движение. Странно, что Аннушка каждый раз чувствовала себя как-то неприятно и точно начинала ее бояться. Что было на уме у Агнии? Чему она смеется? Агния в эти минуты действительно ненавидела Аннушку, глухо и нехорошо ненавидела. Ей даже хотелось столкнуть ее с тына. Раз Агния, глядя на Увек, проговорила задумчиво:

– Знаешь, Аннушка, я тебе расскажу твою судьбу...

– Не надо, Агния. Я не люблю... Это грешно... судьбу угадывать.

– А я все-таки скажу... Я все знаю, что будет. Ты вот сидишь в скиту, как птица в клетке, а суженый-ряженный ходит ветром в поле. Далеко залетел ясный сокол, а думки-то все в скиту. Сколько ни побродит он по горам да по болотам, а сюда вернется, и сейчас к красной девице. Я сон такой видела... Богатство они

найдут... много золота... Уехали бедные, придут богатые. Не чует души в своей дочери Егор Иванович, а ничего не поделаешь: придется расстаться.

– Будет, Агния... – умоляла Аннушка. – Нехорошо.

– Нет, ты слушай сон-то... Вернется ясный сокол, разобьет клетку и увезет птичку на вольную волюшку... Миловать ее будет, целовать, обнимать...

Говоря последние слова, Агния все больше и больше наклонялась к Аннушке, к самому лицу, так что та чувствовала ее горячее дыхание. А какие были глаза у Агнии в эту минуту – так и смотрят прямо в душу! Аннушка вся дрожала, не смея шевельнуться.

– И она его тоже ждет... – уже шепотом говорила Агния. – Лестно такого сокола приглубить. Другие-то бабы завидовать будут... И у ней свои слова найдутся. Сейчас-то ничего не понимает, а тогда вся заговорит... А дальше...

Агния откинулась, точно проснулась от тяжелого сна. Лицо было такое бледное, глаза потемнели, на губах судорожная улыбка... Ан-

нушка замерла от страха.

– Агния, будет...

– Х-ха, испугалась, смиренница!.. Хочешь, я вот сейчас со стены прыгну?.. Не бойся, никуда не прыгну...

В свою келью Агния возвращалась, точно пьяная, и даже шаталась на ходу. Аннушке сделалось жаль ее.

– Зачем ты так себя расстраиваешь, Агния?

Агния посмотрела на нее безумными глазами и захохотала.

– Уходи от меня, – шептала она. – Ты ничего не должна знать, что будет дальше... Уходи!

VII

Целый год об Егоре Иваныче не было ни слуху ни духу, – точно все в воду канули. Раз только была засылка к матери Анфусе от честного старца Мисаила через прохожего странного человека, пробиравшегося по раскольничьим делам в мать-Расею.

– Наказал больно тебе кланяться, мать Анфуса, – повторял странник в десятый раз.

– Ну, еще-то што?..

– А еще наказывал, штобы вы не беспокоились и што все идет правильно.

– Да ты говори толком: где Егор-то Иваныч? Он у нас ни в живых ни в мертвых...

– Вся партия в тайгу ушла еще с зимы; ну, а летом оттуда ходу нет ни конному, ни пешему. Не близкое место: сотен на шесть верст от ближнего жилья. Тунгусишки сказывали, што быдто видели партию и соследили ее по зарубкам в лесу...

Так и было неизвестно ничего, пока на Увек в скит не приехал сам Лаврентий Тарасыч Мелкозеров. Гордый был человек и редко посещал обитель, а тут приехал и прямо к

игуменье.

– Каково, честная мать, поживаешь?..

– Живем, Лаврентий Тарасыч, пока бог грехам терпит...

Стара была мать Анфуса, а все-таки догадалась, что неспроста наехал толстосум. Поговорит-поговорит и замолчит, точно ждет чего. Так и не могли разговориться по-настоящему. Уходя, Мелкозеров спохватился:

– Мать честная, у тебя живет Яков-то Трофимыч?

– Ох, у меня, милостивец...

– Давно я собираюсь его провести, да все некогда... А прежде-то дружками были. Ну, как он у тебя?

– Да все так же... Ты бы зашел к нему, Лаврентий Тарасыч. Убогого человека навестить подобает...

– Некогда мне, честная мать. Дела у меня: помереть некогда. Вот до тебя еле удосужился...

– А ты послушай старуху, не погордись, сходи...

Мелкозеров поломался для прилику, а потом согласился.

– Уж только для тебя, честная мать, а то и дыхануть некогда.

Хитер был Лаврентий Тарасыч, а перехитрить честную мать не сумел. Поняла она, зачем он приехал: дошли какие-нибудь слухи из тайги, – не иначе. То-то Яков Трофимыч вдруг понадобился. Провожать старика игуменья послала Аннушку и шепнула, чтобы та осталась на всякий случай у Агнии и послушала, о чем будут толковать старики.

Со слепцом Мелкозеров повел ту же политику и долго ходил кругом да около, а уж потом проговорил:

– Плакали твои-то денежки, Яков Трофимыч...

– Какие денежки?

– А которые отправил в тайгу закапывать. Егор-то Иваныч на старости лет немного из ума выступил, а Капитошка и всегда прямым дураком был... Не положил, видно, не ищи. Жаль мне тебя, ну и завернул... Дело-то твое такое, што обошли они тебя кругом.

– Ты это откуда вызнал-то про тайгу?

– А верный человек навернулся и все по-рассказал, как и што. И деньги закопали и са-

ми не знают, как живыми выворотиться. Такое дело выходит, Яков Трофимыч, и весьма я пожалел твою слепоту. Тридцать тысяч выдал им?

– Ох, тридцать, родимый мой!.. Ох, зарезали, Лаврентий Тарасыч!.. Что же я-то теперь буду делать? Головушку с плеч сняли...

– Попытался на легкое богатство, вот и казись. Жалеючи говорю...

– Да ведь я-то не дал бы, кабы не жена. Она меня обошла...

– А не живи вперед бабьим умом!.. Меня бы спросил... Уж так мне тебя жаль, Яков Трофимыч, потому, где тебе, слепому, взять такие деньги...

Дальше старики заговорили шепотом. Агния слышала первую половину разговора и стрелой понеслась к матери Анфусе. Сама она не посмела вмешаться в дело: не маленький был человек Лаврентий Тарасыч, и перечить ему было страшно, да и характером крут.

– Ох, матушка, што-то не ладно они разговаривают, – жаловалась Агния игуменье. – Кругом пальца обернет Лаврентий-то Тарасыч моего слепыша... Неспроста приехал. По-

шла бы ты к ним, помешала...

– И то пойду, Агнюшка. Я уже сама догадалась, что неспроста дела приехал Лаврентий-то Тарасыч и мелким бесом передо мной рассыпался...

Пока честная мать одевалась да собиралась, Мелкозерова и след простыл. Когда мать Анфуса прошла в густомесовский флигелек, Яков Трофимыч сидел и на ощупь считал какие-то деньги. Заслышав шаги, он спрятал целую пачку за спину.

– Денег бог послал? – спросила мать Анфуса.

– Доброго человека послал бог, а не деньги. Обманули вы меня все: и твой старец Мисаил, и Егор Иваныч, и милая женушка. Вот один Лаврентий Тарасыч пожалел... Говорит: давай грех пополам. Вот он какой... Я-то, говорит, наживу, потому зрячий, а тебе где взять, слепому.

– За што же он тебе столько денег дал?

– А пожалел... Ему плевать пятнадцать-то тысяч. На, говорит, поправляйся, а буде что будет, – барыши пополам. Какие там барыши, когда цельный год ни слуху ни духу...

– Надул он тебя, Лаврентий-то Тарасыч! – вступилась Агния. – Станет он тебе даром деньги давать...

– Молчать! – закричал Яков Трофимыч. – Не твоего бабьего ума дело... Все вы меня обманываете...

– Да ты никак рехнулся! – обиделась мать Анфуса. – Какие слова-то говоришь?

– А вот такие... Будет вам меня за нос водить. Это все милая женушка устроила для милого дружка Капитона Титыча. Ему на голодные-то зубы как раз мои деньги пригодились. Лаврентий-то Тарасыч прямо говорит: «За Капитошкино озорство тебе плачу, потому, как ни на есть, а племянником меня бог наказал. С Егором Иванычем сам считайся, а за Капитошку я все помирю».

– Обошел он тебя кругом, и разговаривать я с тобой не хочу, – окончательно рассердилась мать Анфуса и ушла, хлопнув дверью.

– Не поглянулось... а? Ха-ха... – смеялся слепец, вытаскивая деньги из-за спины. – Сладок вам Капитошка пришелся... А с тобой, змея, у меня свой разговор будет. Подойди-ка сюды, жар-птица...

– Не подойду! Лучше в озеро брошусь... А ты дурак!.. Я тебя и знать больше не хочу...

– Молчать! – заревел слепой, трясясь от бешенства. – Убить тебя мало... На мои деньги хотели разлакомиться, да не выгорело... А Егор-то Иваныч на старости лет каким себя дураком оказал?.. И его вы обошли.

Целый день во флигельке стоял содом, а потом Агния вырвалась и убежала к матери Анфусе, но ее туда не пустили: там сидели Рябинины и Огибенины, приехавшие тоже проведать Густомесова. Они столкнулись случайно и смотрели друг на друга волками, так что насмешили мать Анфусу...

– Экая жалость на вас сегодня напала... – говорила Анфуса. – Ума не приложу. Даве утром пригонял Лаврентий Тарасыч и наперед вас пожалел Якова Трофимыча. Опоздали вы, видно, маленько... Да и меня напрасно морочите. Говорите уж прямо, с чем приехали...

Долго отнекивались сосногорские толстосумы, а потом повинились начистоту, чтобы вывести Лаврентия Тарасыча на свежую воду. Да, Егор Иваныч нашел в тайге несметное золото и скоро будет сюда, как только реки

встанут. Сказывают, что такого богатства еще и не видано и не слыхано.

Весть о найденном богатстве разнеслась перекатной волной, и в Сосногорске только и говорили, что о таежном золоте. По-прежнему не верил этим слухам один Яков Трофимыч и каждый день пересчитывал полученные с Мелкозерава деньги, ругая жену на чем свет стоит.

Егор Иваныч приехал только под рождество, вместе с Капитоном Титычем. Он приехал прямо на Увек под вечер, когда в обитель посторонних уже не пускали. Вышла сама мать Анфуса, чтобы впустить желанных гостей, и не узнала их: загорели, заветрели, похудели.

– Зайдите ко мне опнутья малым делом, – пригласила их мать Анфуса.

Степенный был человек Егор Иваныч и не сразу распоясался, да и рад был видеть дочь. Даже прослезился старик, обнимая свою ненаглядную Аннушку.

– Ну, устроил я тебе хорошее приданое, доченька, – шепнул он. – Не для себя старался и всяческую муку принимал... За ваши скит-

ские молитвы господь счастья послал.

Мать Анфуса выставила закуску для дорогих гостей и даже сама налила им по рюмке своедельной настойки от сорока недугов.

– Не томите, отцы, говорите... – молвила она.

Капитон Титыч молчал, изредка взглядывая на Аннушку, а Егор Иваныч разгладил свою бородку и приговаривал:

– Перво-наперво скажу я тебе, мать честная, что привез я из тайги своей любезной дочери подарочек... Не век ей в девках вековать. Люб тебе, Аннушка, Капитон Титыч? Ну, да это не твоего ума дело... Девушкам и не след знать, какого жениха отец выберет. А второе дело, честная мать Анфуса, за твои молитвы сиротские напали мы под самый Успенъев день на богатимое золото, о каком еще и не слыхивали... Потом все расскажу, а сейчас пойду Якова Трофимыча обрадую.

Появление Егора Иваныча с известием об открытом богатстве было для Якова Трофимыча ударом грома. Он даже весь затрясся и едва мог рассказать про то, как его пожалел Лаврентий Тарасыч.

– А ты ему верни деньги – и вся недолга, – советовал Егор Иванович.

– Не могу, родной: клятву он с меня взял. Ведь без бумаги дело делалось, а на слово...

Впрочем, слепец скоро утешился, когда узнал о женихе Аннушки. Он сразу повеселел и, потирая руки, говорил:

– Вот, Агньюшка, радость-то тебе великая... Ведь ты души не чаешь в Аннушке...

VIII

Открытие сибирского золота в течение всей зимы волновало Сосногорск. Молва увеличивала с каждым днем нажитые Егором Иванычем сокровища, хотя все и знали хорошо, что он и Капитон только «в паю», а львиная часть предприятия досталась слепому Густомесову и Лаврентию Тарасычу Мелкозерову. Толпа всегда жаждет чего-нибудь необыкновенного, таинственного и сверхъестественного, а что же тут особенного, если к густомесовским и мелкозеровским деньгам прибавятся новые деньги? Другое дело – Егор Иваныч, уважаемый всеми старик, который сразу попал в миллионеры... Это – с одной стороны, а с другой – потихоньку от всех составлялись новые партии, чтобы по проторенной дорожке двинуться в тайгу. Во главе одной такой партии стояли Огибенины, во главе другой – Рябинины.

– Тайга велика, всем места хватит, – спокойно говорил Егор Иваныч, когда ему рассказывали о замыслах будущих соперников. – Только ведь все на счастливого... Если бы не

Капитон у меня, так и я приехал бы с пустыми руками. Удачлив он...

Все помыслы Егора Иваныча теперь были сосредоточены на свадьбе дочери, с которой он ужасно торопился. Да и как было не торопиться: скоро нужно было опять уезжать на-долго в тайгу, и еще неизвестно, вернется домой живой или нет Егора Иваныча начинала давить собственная старость, и он боялся, что любимая дочь Аннушка останется непристроенной. Капитона он знал с детства и знал все его недостатки, но все-таки это был хороший и добрый человек. Конечно, характер у Капитона вспыльчивый и гордый, но только не нужно его раздражать, и добрая, умная жена будет с ним счастлива. Много бессонных ночей провел в тайге Егор Иваныч, обдумывая будущее своей ненаглядной дочери Аннушки, и ничего лучше не мог придумать.

Сама Аннушка как-то плохо понимала, что делается кругом нее. Все случилось так быстро и так неожиданно. Когда девушка оставалась одна, ей делалось страшно без всякой причины. Она боялась, сама не зная чего... Просто страшно, и все тут. Ведь один раз вый-

ти замуж, и назад ничего не воротишь. Капитон ей нравился, и в то же время она боялась его. Впрочем, он так редко бывал в скиту, так что и познакомиться поближе с ним было некогда. Свадьба выходила по старинке, по родительскому наказу. Егор Иваныч замечал, что Аннушка как будто невесела, и сам начал хмуриться. Раз он даже обратился к Агнии Ефимовне с просьбой:

– Вы ее разговорите, Аннушку... Конечно, девичье дело, всего боится, а отцу и сказать ей не подходит. Вы уж ей объясните...

– Пустяки, все пройдет, – успокаивала старика Агния Ефимовна, улыбаясь и глядя в глаза. – Сокол, а не жених...

Агния Ефимовна вообще приняла самое деятельное участие в готовившейся свадьбе, я под ее руководством справлялось все богатое приданое. Егор Иваныч развернулся и ничего не пожалел для милой дочки. О таком приданом в Сосногорске еще и не слыхивали. Часть приданого готовилась в скиту, а другая в городе. Всего по старинному счету выходило сундуков тридцать, и Аннушка приходила в ужас, что все это она должна износить. Ведь

нужно было прожить лет сто для этого... Потом ей было просто совестно: все другие девушки завидовали ей, а между тем она совсем не желала богатства. Кому это нужно? Чтобы люди говорили и завидовали богатой невесте... Аннушке казалось, что она делает что-то нехорошее и со временем должна будет дорого заплатить вот за эту чужую зависть. Вообще, ей было невесело, и она относилась совершенно хладнокровно к хлопотам Агнии Ефимовны.

Потом Аннушка все больше и больше начинала бояться Агнии Ефимовны, особенно когда она так пристально смотрела на нее своими темными глазами, смотрела и улыбалась. И чем ласковее была Агния Ефимовна, тем страшнее делалось Аннушке. Девушка краснела, опускала глаза и не знала, куда ей деваться.

– Счастливая ты, Аннушка, – певуче говорила Агния Ефимовна. – Все-то тебе завидуют... Вон какого сокола получаешь в мужья. Чужие-то бабы глаза на него проглядят...

Яков Трофимыч совсем не узнавал жены, которая сделалась вдруг ласковой, точно сра-

зу отмякла. С своей стороны, он теперь не травил ее Капитоном и даже старался совсем не поминать про него. Раз Агния Ефимовна сама приласкалась к нему, обняла и сказала:

– Покаяться, Яков Трофимыч?

– Покайся, Агньюша...

– Очень мне нравился Капитон-то... И чем больше ты меня ругал, тем больше он мне нравился. Кажется, кожу сняла бы с себя да отдала ему...

– Ну, ну, говори, змея...

– А как он засватал Аннушку...

– Ну, ну?

– Как засватал, так и опостылел...

– Врешь!..

– Как перед богом... Ненавижу я его, Яков Трофимыч. Видеть не могу...

– Завидно?

– И не завидно, а просто ненавижу. Так обнесло меня тогда, совсем не своя была, а теперь обдумалась... Я так полагаю, что обошел он меня. Неспроста было дело...

– Неспроста, Агньюшка... Верное твое слово: неспроста. А ты бы с мужем посоветовалась... рассказала все, как сейчас... Ведь не чужой

муж-то.

– И рассказала бы все, как на духу, кабы не совестно за свою слабость. А теперь я его терпеть ненавижу...

– Не врешь?

– А что мне врать: сама на себя клепать напрасно не буду.

Как ни крепился Яков Трофимыч, а поверил жене, во всем поверил. Велика сила в этой женской слабости... Заговорила, уладила Агния Ефимовна слепого мужа и сама поверила, что ненавидит Капитона. Да и, действительно, ненавидела, как умеют ненавидеть одни женщины. Что он ей, мужней жене, – ни к шубе рукав, как говорят старухи. Пусть порадуетсся с молодой женой, а она сама по себе. Глухая злоба так и разбирала Агнию Ефимовну, и чем тяжелее ей делалось, тем ласковее она улыбалась. Ей нравилось даже, что она такая несчастная и что должна коротать век со слепым мужем. Нравилось ей готовить приданое Аннушке, чужое счастье делало ее еще несчастнее. А, пусть радуются, пусть любят друг друга, пусть веселятся... А она назло всем будет любить свое слепое го-

ре.

Свадьбу задержало только приданое. Егор Иваныч сильно торопил. Ему сейчас после свадьбы нужно было уезжать в тайгу. В этой свадьбе как-то все приняли участие. Густомесов подарил невесте целый сундук всякого добра, расступился и Лаврентий Тарасыч: он отписал племяннику один из своих домов. Одним словом, все помирились, и дело катилось вперед как по маслу. Свадьбу сыграть решено было в громадном мелкозеровском доме. Пусть все видят, как Лаврентий Тарасыч любит племянника.

Свадьба Капитона была сыграна на славу. Такой еще не видали в Сосногорске. Гостей набралось сотен до двух. Лаврентий Тарасыч разошелся и, похаживая по горницам, приговаривал:

– Пей, ешь, веселись в мою голову... Ничего не жаль для дражайшего племянничка.

В числе почетных гостей первое место отведено было слепому Густомесову. Долго его уговаривали выехать из скита и кое-как уломали. Да и не поехал бы он, если бы не Агния Ефимовна, которая тоже уперлась и ни за что

не хотела ехать на свадьбу. Именно это и заставило Густомесова согласиться... Пусть милая женушка казнится, как мил-сердечный друг с другой пойдет под венец. У слепого всплыло желание показнить жену. Агния Ефимовна даже заплакала, когда пришлось ехать из скита. Но в гостях она сразу очутовалась, приняла гордый вид, и все невольно ею любовались. Красива была Агния Ефимовна в старинном парчовом сарафане и в расшитой жемчугами старинной «сорочке». Сидит с мужем, рядом с невестой, и так спокойно на всех поглядывает. Дрогнула Агния Ефимовна только в момент, когда отправляла невесту к венцу.

– Будь счастлива, Аннушка, – шепнула она, целуя невесту.

Аннушка посмотрела на нее и удивилась: у Агнии Ефимовны глаза были полны слез. Ей сделалось жаль несчастной женщины.

Венчали в старой раскольничьей моленной, куда Агния Ефимовна ездила провожать невесту. С молодыми она вернулась спокойная и веселая, точно сняла с души какую-то тяжесть. А дальше Агния Ефимовна и совсем

развернулась. Речистая была баба, схватчивая на словах, и сам Лаврентий Тарасыч хлопал ее по плечу.

– Хороша бабочка, нечего сказать: в зубах слово не завязнет.

Разошлась Агния Ефимовна на чужом пире, расшутилась и даже в пляс пошла. Все любовались красавицей и только дивились, откуда у нее веселье берется. Капитон смотрел на Агнию Ефимовну и хмурил брови, точно припоминал какой дурной сон.

– Поцелуй жену... – приставала Агния Ефимовна к нему. – Анна Егоровна, ну-ка, как ты любишь молодого мужа?

Эти приставания сильно смущали молодую, и она не знала, куда девать глаза.

– Посмотрите, как любят мужей, – не унималась Агния Ефимовна и при всех поцеловала своего слепца. – Вот как и еще вот так...

Все видели, как веселилась Агния Ефимовна, и никто не знал, что делается у нее на душе.

Свадьба продолжалась целых две недели. Расходившийся Лаврентий Тарасыч вечером запирали ворота на замок и никого не выпус-

кал, а с утра начиналась та же музыка. Все, что было богатого в Сосногорске и в ближайших городах, беспросыпно кутило в мелкозеровских палатах целых две недели, позабыв счет дням, позабыв всякие дела и домашние работы. Пьяные гости били посуду, ломали мебель, рвали на себе платье и вообще безобразничали. Трудно сказать, до чего дошло б это дикое веселье, если бы в одно прекрасное утро не нашли одного гостя мертвым: бедняга «сгорел» от вина. Все разом кончилось, и всех гостей вымело точно ветром, и даже сам Лаврентий Тарасыч сбежал на заводы, оставив мертвое тело в своих палатах на произвол судьбы, то есть Егору Иванычу, которому уже от себя пришлось считаться с исправником, заседателем, полицмейстером и разной чиновной мелочью.

IX

Сейчас после свадьбы, наскоро похоронив сгоревшего от вина усердного гостя, Егор Иваныч уехал в тайгу. Молодые остались в городе до осени и переехали в собственный дом, где продолжалось то же веселье. На радостях Капитон закутил, и гости не выходили из дому. Свадебное веселье затянулось на все лето.

Густомесов вернулся в скит на Увек, и свой флигелек теперь показался Агнии Ефимовне живой могилой. Но она ничем не выдавала себя и по наружному виду казалась даже веселой.

– Так, Агнюшка, так... – похваливал жену Яков Трофимыч. – Чего нам с тобой печалиться? Слава богу, все есть, а там еще Егор Иваныч в тайге добудет... А много ли нам с тобой двоим надо? Умру, все на тебя запишу...

Мысль о смерти всегда вызывала неприятные разговоры. Агния Ефимовна знала это вперед и мучилась каждый раз вдвойне.

– Помру я, откажу тебе, Агнюшка, все свое добро, а ты...

– Пошел молоть! Прежде смерти никто не помирает, и меня переживешь еще десять раз.

– Нет, я чувствую, што я скоро помру, Агнюшка... Ну, пожил, ну, всего отведал – туда и дорога, а вот тебя мне, миленькая, жаль. Останешься ты одна, да еще при собственном капитале, окружают тебя бабы-шептуњи, – ну, и разыграют мои кровные денежки... Подсыплется какой ни на есть статуй, а ваша женская часть слаба. Будете на мои денежки радоваться да надо мной, покойничком, посмеиваться. Все знаю, голубушка... А денежки проживете, он, статуя-то, и бросит тебя. И будешь ты опять голенькая, какой я тебя замуж брал: ни вперед, ни назад.

– Я в скиту останусь, Яков Трофимыч.

– Врешь!.. Не верю... Все врешь!

В последнее время у Якова Трофимыча явилась мысль о «чине ангельском». На эту тему он не раз заводил стороной разговор. Хорошо бы это было обоим постричься зараз. И жили бы вместе на Увеке: он в своей келье, а она с другими старицами.

– Ежели оставишь мне капитал, так я живо

игуменьей буду, – говорила Агния Ефимовна, поддакивая мужу. – В скиту деньги-то понужнее, чем на миру...

– Отлично, Агнющка... Все на тебя отпишу... Было бы за што мои грехи отмаливать... Ох, много грехов!.. Слаб человек, а враг силен...

Раздумавшись об ангельском чине, Агния Ефимовна и сама пришла к заключению, что это единственный выход из ее положения. А там можно и снять с себя монашескую рясу... Только бы от постылого мужа избавиться, чтобы не видеть его и не слышать. Конечно, она могла уйти от мужа, как венчанная по раскольничьему обряду, но эта мысль не приходила к ней в голову. И куда она пойдет? Делать она ничего не умеет, работать отвыкла, а жить по чужим людям не желала, припоминая свое сиротство. А главное, выходила на богатство, столько лет терпела – и вдруг все бросить.

Все эти планы расстроились совершенно неожиданно, и еще более неожиданно Агния Ефимовна очутилась на полной своей воле, как выпущенная из клетки птица.

Дело в том, что в описываемое нами время – начало сороковых годов – над нескверным и тихим иноческим житьем стряслась неожиданная беда: вышел строгий указ «о прекращении скитов». Слухи об этом ходили и раньше, как заросли скиты, но Увек, благодаря сильным милостивцам и доброхотам, устаивал, не в пример другим обителям. А тут даже не успели опомниться, как налетела беда. Вскоре после Успеньева дня на Увек приехал исправник и опечатал скит, а сестрам велел убираться на все четыре стороны. Огласилась тихая обитель стенаниями и воплем. Бывали беды и раньше, да сходили с рук, а тут исправник и слышать ничего не хотел, как его ни умоляли повременить хоть недельку.

– Не могу против указа идти, – отвечал исправник. – Не моя воля.

Мало этого, потребовал у стариц паспорта и пригрозил высылкой на места жительства этапным порядком, если не уберутся подру-поздорову сами. Одним словом, вышел казус... Прежде Густомесов вызволял или Лаврентий Тарасыч, потому как имели они большую силу у разных властодержцев, а тут и

они ничего не могли поделать. Очень уж скоро прискочила лихая напасть... Всех хуже приходилось Густомесову. Он совсем упал духом и решительно не знал, что ему делать и куда деваться. Агния Ефимовна тоже растерялась в первую минуту и даже не обрадовалась желанному освобождению. Ее точно пугала собственная воля.

– Умереть надо – вот что! – повторял в отчаянии слепой старик. – Ну, куда я теперь денусь? Зрячие-то найдут себе место, а я ума не приложу...

А тут и подумать даже некогда: уходи, и конец тому делу. Горькими слезами всплакался несчастный слепец, предчувствуя самое горшее еще впереди. Положим, у него в Сосногорске был свой дом и всякое угодье, а все-таки не в при мер тихому скитскому житию.

В один день весь скит опустел, точно умер. С горькими слезами и жалобными причетами оставляли сестры насиженное место. Никто не знал, куда голову приклонить... Не плакала и не жаловалась одна честная мать Анфуса: она не верила, что скит закрыт навсегда.

– Не может этого быть, – спокойно говори-

ла она.

А вышло другое: скит на Увеке закрывался навсегда, как и другие скиты, разбросанные по Уралу там и сям.

Густомесовы переехали на время в свой дом в Сосногорске. Яков Трофимыч и слышать не хотел, чтобы оставаться здесь навсегда, и Агния Ефимовна отмалчивалась. Дом был большой, и одну половину занимали квартиранты. Теперь пришлось квартирантам отказать и занять весь дом. Яков Трофимыч не желал, чтобы вместе жил кто-нибудь посторонний.

– Еще убьют как-нибудь, – жаловался слепой старик. – Известно, какой нынче народ. Знают, что есть у меня кое-какие деньжонки, – ну и убьют, как пить дадут.

Хлопоты по устройству в своем доме заняли все время Агнии Ефимовны, так что ей некогда было даже думать о том, что будет дальше. Каждый день был переполнен своими собственными заботами. Она была совершенно счастлива своей новой обстановкой. Яков Трофимыч тоже устраивался по-новому. Двор был превращен в настоящую крепость,

и все ворота запирались тяжелыми замками, ключи от которых хранились у хозяина. Главная опасность грозила от ворот на улицу, и здесь были приняты все необходимые предосторожности. Никто не мог войти во двор без ведома хозяина, и он шнурком отворял самкалитку, разузнав предварительно, кто пришел, по какому делу. Затем, он знал в каждый момент, где жена, что она делает и что делают другие. В своем собственном доме Яков Трофимыч являлся каким-то злым духом. И все-таки Агния Ефимовна была счастлива, особенно когда вспоминала свое скитское сидение. Здесь ее время уходило по крайней мере на хозяйство по дому, на сношение с живыми людьми, как та же прислуга.

– Хорошо, Агньюшка, – радовался слепец. – Хлопочи, матушка... Везде надо свой глаз, а то все добро растащат по крохам. Вот какой народ нынче пошел...

Из посторонних бывала только одна Аннушка, или, по-теперешнему, Анна Егоровна. Яков Трофимыч очень любил ее и был рад, когда она завертывала. Молодая женщина заметно похудела и не имела вида счастливого

человека, что Агния Ефимовна чувствовала каждый раз.

– Когда вы кончите пиры-то пировать? – спрашивал слепец. – Уж будет. Ты бы останавливала своего-то Капитона. На то жена...

– Как я его остановлю, Яков Трофимыч, если он меня не слушает?

– Значит, не любит, если не слушает... А ты его заberi в руки, как меня забрала Агнюшка... хе-хе!..

– Не умею, Яков Трофимыч...

Аннушка приезжала на своем собственном рысаке и всегда разодетая по-богатому, что ее смущало.

– Что, любит тебя муж? – спрашивала Агния Ефимовна. – Какая я глупая... Конечно, любит, нечего и спрашивать. А мой-то слепыш как ревновал меня к Капитону Титычу... Задушить хотел со злости. И теперь не пускает к вам, а уж так охота мне хоть одним глазком посмотреть, как вы там живете. Ведь есть же счастливые люди на свете...

– Всякий по-своему счастлив, Агния.

– Не прикидывайся, смиренница. Все знаю...

Агния Ефимовна, действительно, все знала, что делается у Аннушки, и рассказывала мужу. Яков Трофимыч хохотал до слез, когда жена так смешно все представляла. Он убедился, что она, действительно, возненавидела Капитона и готова устроить ему всякую пакость.

– Ах, если бы можно было его разорить! – со вздохом повторяла Агния Ефимовна. – Будет, порадовался. Надо и честь знать... Ничего бы, кажется, не пожалела!

– И Аннушки не жаль?

– Чего ее жалеть-то... Все равно, Капитон ее не любит.

– Ну, это ихнее дело... Промежду мужем и женой один бог судья.

А дела Капитона шли все лучше и лучше. Из тайги шли хорошие вести. Золото лилось рекой... Егор Иваныч повел дело сильной рукой, и промыслы давали страшный дивиденд. В первый же год на долю Густомесова и Мелкозерова досталось тысяч по шестидесяти. Так, за здорово живешь, сыпались деньги. На долю Капитона доставалось меньше, но он проживал втрое больше, чем получал от Его-

ра Иваныча. Скоро дошли слухи, что и другие, уехавшие в тайгу по следам Егора Иваныча, тоже получили свою долю, открывая новое золото. Сосногорск вообще переживал самое тревожное время, как охваченный лихорадкой человек. Наступал какой-то золотой век, причем Егор Иваныч являлся чуть не колдуном, разворожившим похороненные в тайге сокровища.

Осенью Капитон уехал в Сибирь, а Анна Егоровна осталась. Теперь она начала часто бывать у Густомесовых, с которыми ее связывали общие скитские воспоминания. Она чувствовала, что Яков Трофимыч ее любит, как родную дочь, и инстинктивно льнула к этому родному огоньку.

Х

Скоро для Агнии Ефимовны исчезла и последняя тень затворничества. Новые сибирские дела требовали усиленной работы, а Яков Трофимыч никому не доверял и ничего слышать не хотел о помощнике. Между тем нужно было и счета подвести, и съездить в банк, и достать какую-нибудь справку. Агния Ефимовна вдруг оказалась великим дельцом. Она быстро освоилась со всей этой деловой механикой и сделалась необходимой сотрудницей мужа. Труднее всего было Якову Трофимычу выпускать жену хлопотать по делам одну, поэтому он уговаривал Анну Егоровну выезжать вместе.

– Тебе-то я верю, Аннушка, – повторял слепец. – А женушка, того гляди, сбрендит... Знаю я ее превосходно.

Агния Ефимовна не обижалась этой опекой и везде таскала за собой Анну Егоровну. Сделавшись необходимой, она быстро вкраслась в полное доверие к мужу. Теперь уже он советовался с ней, как поступить в разных затруднительных случаях.

– Ты у меня золото, Агнюшка, – говорил слепой. – Ежели бы я совсем мог довериться тебе... Знаю, все знаю, какая ты есть.

Познакомившись со всеми делами мужа, Агния Ефимовна составила довольно сложный план мести Капитону. Часто по ночам она уже видела его разоренным, униженным, жалким и впредь торжествовала победу. Да, он будет в ее руках и будет ждать одного ее ласкового взгляда. Иногда, проверяя присылаемые Егором Иванычем приисковые счета, она очень ловко подчеркивала растраты Капитона, разнесенные по разным статьям.

– Так, так, женушка, – соглашался Яков Трофимыч. – Этак-то Капитон и совсем разорит нас... Вот он как распыхался.

– И совсем он не нужен нам, – говорила Агния Ефимовна. – Только зря деньги травим...

– Что поделаешь, Агнюшка! Вся статья в Егоре Иваныче... Для него и терпим Капитошку. А промежду прочим посмотрим...

Эти подготовительные беседы делали свое дело. Яков Трофимыч мало-помалу озлоблялся. С другой стороны, он был так доволен, что жена сама подводит ненавистного Капитона.

Оставалось обработать Лаврентия Тарасыча, и Агния Ефимовна действовала здесь с особенной осторожностью, чтобы характерный старик не догадался, по чьей дудке будет он плясать. Когда при Мелкозерове Яков Трофимыч начинал травить Капитона, она непременно вставляла какое-нибудь словечко за него.

– Молод еще Капитон Титыч. Остепенится...

Густомесов был в восторге от такой политики.

– Старик-то, старик-то в каких дураках, Агнюшка... Ха-ха!.. Ты его ловко взнуздываешь, а он-то думает, что все сам... Ловко!

– Нельзя по-другому-то... Никого не слушает Лаврентий Тарасыч, а бабу где же послушает. Еще наоборот сделает...

– Вот, вот... Ты нахваливай ему Капитошку-то. Ох, и согрешил я с тобой, Агнюшка!..

Так прошла зима, а когда по последнему пути вернулся из тайги Капитон, все уже было готово. Он приехал вместе с Егором Иванычем и, конечно, ничего не подозревал.

– Ужо к нам приедет, так ты с ним поласко-

вее, – учил жену Густомесов. – А я будто не слышу... Хе-хе!..

– Не учи, Яков Трофимыч.

– Ах, эти бабы! Вот разбери-ка ее, что у ней на уме. А Капитошка-то прост, всему поверит. Потеха!.. Уж ты постарайся, Агнюшка, чтобы комар носу не подточил.

Действительно, Капитон приехал к Густомесовым вместе с женой и был принят, как дорогой гость. Агния Ефимовна встретила его спокойной улыбкой. Дальше все шло, как по писаному. Яков Трофимыч был необыкновенно весел и только ухмылялся, слушая, как жена разговаривает с Капитоном. Потом старик не выдержал и принялся отчитывать гостя. Капитон выслушал попреки молча, молча повернулся и молча пошел в переднюю, не протестившись с гостеприимным хозяином. Анна Егоровна страшно перепугалась и бросилась уговаривать Якова Трофимыча.

– Голубчик, Яков Трофимыч, что же это такое?..

– Люблю тебя, Аннушка, а Капитошку в порошок изотру...

Агния Ефимовна воспользовалась этим мо-

ментом и догнала Капитона уже в передней. Здесь она прямо бросилась к нему на шею, обняла и, глядя в глаза, шептала:

– Милый, милый... как я тебя люблю!.. И ненавижу и люблю...

Капитон от неожиданности ничего не мог выговорить. Он чувствовал ее горячее дыхание, чувствовал, как две тонких руки обвили его шею, и не мог шевельнуться.

– Агния Ефимовна... – шептал он, набирая воздуха.

– Какая я тебе Агния Ефимовна? Нет здесь Агнии Ефимовны, а есть только безумная женщина... Ну, взгляни ласково, сокол ясный!..

Она и плакала, и смеялась, и припадала к нему головой.

– Сколько я ждала... сколько мучилась... Та разве это понимает? Девчонка она бессмысленная... Ты будешь мой, мой, мой... Утоплюсь, руки на себя наложу, а будешь мой. Милый, миленький, родной!..

Этот безумный бред обжег Капитона огнем, и он даже пошатнулся на месте, как пьяный, а потом сильной рукой обнял обезумев-

шую женщину. Она только закрыла глаза и вся распустилась, точно подкошенная. Эта немая сцена была прервана слышавшимися шагами Анны Егоровны. Агния отскочила, посмотрела кругом безумными глазами и захохотала, как русалка.

– Это мой слепыш меня ревнует... – объяснила она Анне Егоровне. – Понимаешь? Съел он меня... А ты думаешь, взаправду он говорил про Капитона? Ничего, все уладим...

Капитон только опустил глаза и молча простился с сумасшедшей хозяйкой. Агния Ефимовна бросилась к окну и смотрела, как Капитон усаживал жену в экипаж, – она ждала, что он оглянется на окно. Но он не оглянулся... Она, когда тронулся экипаж, погрозила вслед уезжавшим кулаком и опять захохотала.

– Ловко, Агньюшка! – хвалил слепой и тоже смеялся. – Как я его ошарашил... Турманом вылетел. Носи, не потеряй... Что он тебе говорил?

– Да ничего... Трясется весь, как осиновый лист, и сказать ничего не может. Даже жаль...

– Больно сердит, а на сердитых воду возят.

Жаль только Аннушку...

– Ее-то чего жалеть? У ней сейчас отец богатый...

– Отец-то отцом, а муж-то, видно, милее... Как она меня тут улещала помириться с Капитоном. Даже расплакалась... Конечно, слаба ваша женская часть...

Все это было только началом устроенной Агнией Ефимовной облавы на Капитона. Следующим номером явилась крупная размолвка с дядей Лаврентием Тарасычем, который, не говоря худого слова, прямо выгнал племянника в шею. Положение Капитона получилось критическое, и он сразу обозлился на всех и кончил тем, что уже сам разругался с Егором Ивановичем и даже выгнал его из своего дома.

Последнее случилось благодаря бестактности Егора Иваныча. Старик, узнав о размолвке зятя с Густомесовым и Лаврентием Тарасычем, начал его уговаривать помириться.

– Нехорошо, Капитон... Ты помоложе, мог бы и стерпеть. Не чужие люди... Может, тебе же добра желают.

– А тебе какое дело до меня? – грубо отве-

тил Капитон.

– Как какое? Ведь моя дочь-то... Да ты никак очумел!..

– Была твоя, а теперь моя...

– Капитон, не форси!.. Капитон, утиши свой характер...

– Да ты что ко мне пристал-то, старый черт?..

Тут уж Егор Иваныч обиделся и обругал зятя, а Капитон взял его за плечо и вывел в переднюю.

Очутившись на улице, Егор Иваныч опомнился и только тут понял, какую он глупость сделал. Не надо было трогать Капитона, когда он всердцах, а выждать, когда утихомирится, и потом усовестить. Огневой мужик, одним словом... Дальше старик понял, что теперь все обрушится на ни в чем не повинную Аннушку. И дочь жаль, и покоряться на старости лет не приходится. Капитон тоже не понесет повинную голову. Одним словом, как ни кинь – одинаково скверно. Старик даже всплакнул про себя. Очень уж горько ему показалось свое старое одиночество.

Крепился он целых три дня и наконец не

вытерпел, отправился к Густомесовым и упросил Агнию Ефимовну съездить за Аннушкой.

– Да он меня еще убьет, Капитон-то, – отнекивалась она. – Право, уж я не знаю, Егор Иванович...

– Ничего, не убьет, – уговаривал жену Густомесов. – Нас он, действительно, искрошит в крошки, а тебя не посмеет тронуть...

Агния Ефимовна еще ни разу не бывала в доме у Капитона и ехала туда в большом смущении. Тяжело переступить порог, за которым милый, хороший живет с другой. Аннушка ужасно обрадовалась гостье, она все эти дни проплакала.

– Я за тобой приехала...

– Ох, не отпустит он меня. Грозится всех убить... зверь зверем ходит.

– Ну, страшен сон, да милостив бог... Дайка я сама с ним переговорю.

Капитон встретил гостью довольно сурово, но она не смутилась, а прямо подошла к нему и заговорила:

– Ну, ударь... ну, убей!.. Ах, ты, Аника-воин!

– Зачем пришла-то?

– А как в сказке говорится: прилетела сорока-белобока и говорит: «Не кручинься, удал-добрый молодец, не печалуйся, а все будет по-нашему»...

Разговор с Капитоном продолжался довольно долго, так что Аннушке надоело ждать.

– Едва уговорила... – объяснила Агния Ефимовна, вернувшись в комнату Аннушки. – До смерти уморилась с твоим-то идолом. И меня пообещал убить в другой раз... Ну, едем.

Аннушка от души пожалела добрую приятельницу и долго целовала ее за услугу и заступу, а Агния Ефимовна закрывала глаза и отворачивала от нее лицо.

XI

Рассвирепевший Капитон сразу оборвал всякие отношения с дядей, с тестем и Густомесовым, заперся у себя в доме и кутил напропалую. Деньги у него еще оставались.

– Это я им открыл золото, а они меня в шею! – орал он пьяный. – Я им покажу... И всех зарежу. Да... А золота сколько угодно найдем.

Набрались у Капитона в доме такие же пьяные благоприятели из чиновников и купцов, – и пошел дым коромыслом. Анна Егоровна со страху по целым дням запиралась у себя в комнате и могла только плакать. Впрочем, один раз она попробовала уговорить мужа, но он так ее оттолкнул от себя, что несчастная женщина полетела на пол.

– Отстань, постылая...

Это последнее слово было тяжелее побоев. Оно окончательно убило несчастную женщину. Постылая жена... Ведь это хуже смерти. Она припомнила, как Агния называла своего мужа постылым, и понимала, что это значит. Перед ней точно самый свет закрывался. А

ведь она привыкла к мужу и начинала его любить так хорошо, как любят скромные женщины. И вдруг ничего нет... В девятнадцать лет постылая, а что же дальше-то будет? Анна Егоровна в каком-то ужасе закрывала глаза и старалась совсем не думать об этом будущем. Вон отец уговаривает терпеть и не перечить мужу, а легко это делать?.. С другой стороны, Анна Егоровна была на стороне мужа, потому что все напрасно его обижали – и Густомесов и Лаврентий Тарасыч. Она не могла только понять, за что все так разом поднялись на него.

Тосковавший Егор Иванович теперь частенько заворачивал к Густомесовым отвести душу. Посылать Агнию Ефимовну за дочерью он стеснялся, а ждал, когда это сделает сам Яков Трофимыч.

– Вот так устроил Аннушке приданое... – сетовал старик, качая седой головой и вздыхая. – Где у меня глаза были, когда выдавал дочь замуж? Копил-копил да черта и купил... Ох, тошнехонько, Яков Трофимыч!..

– Сам виноват... Благодарю бога, что жив ушел от милого зятюшки.

– Да я не о себе... Что я, мое-то все прожито, а вот как будет милая доченька жить со своим разбойником.

– А ты пойди да прощения у него попроси, что спустил тебя с лестницы.

– Ох, не говори: голова с плеч. А она-то, безответная, у меня его же, разбойника, выправляет...

– Уж бабы завсегда так. Одна им всем це-на...

Назлобствовавшись, Густомесов начинал жалеть и посылал жену за Аннушкой. Агния Ефимовна обыкновенно и слышать об этом не хотела и соглашалась только после усиленных просьб.

– Видеть его не могу... – уверяла она. – Только уж для тебя, Егор Иваныч, неприятность себе сделаю.

Егор Иваныч упрашивал ее со слезами на глазах, и Агния Ефимовна отправлялась. Анна Егоровна приезжала, как всегда, спокойная и серьезная, точно ничего особенного не случилось, и никогда не жаловалась отцу на мужа. Но отцовское сердце чужало, что дело неладно, и болело вдвойне. От дочери Егор

Иваныч узнал, что Капитон составляет какую-то новую компанию и едет в тайгу один. Теперь старику опостылели и эта проклятая тайга, и это проклятое сибирское золото, из-за которого он загубил любимую дочь. Жила бы она тихо и мирно, вышла бы замуж за какого-нибудь скромного человека, а он, Егор Иваныч, на старости лет радовался бы. А тут вон что вышло... И не удумаешь, как быть. Если идти и покориться Капитону – еще хуже будет, потому неукротимый у него характер.

Агния Ефимовна торжествовала молча и молча только улыбалась про себя, когда слышала разговоры о новой компании. Какой дурак даст денег Капитону... А между тем он, действительно, отправлялся в тайгу на разведки, а деньги ему дала она, Агния Ефимовна. Когда она предложила ему эти деньги, Капитон с удивлением посмотрел на нее.

– Откуда у тебя деньги-то, Агния?

– А мои собственные, милый-хороший... За что я терпела-то свою муку-мученическую столько лет? Все равно, муж помрет и откажет мне все... Своими-то деньгами всякий может распорядиться.

В первое время Капитону зазорным казалось пользоваться этими бабьими деньгами, да еще крадеными, а потом он как-то разом на все махнул рукой. Он быстро поддался неукротимой энергии Агнии Ефимовны и только говорил:

– Убить тебя мало, Агния. Никакого в тебе страха нет.

Добывать деньги у мужа было делом нелегким, и Агния Ефимовна вела дело с дьявольской хитростью, пользуясь полным доверием мужа. На первый раз она вынула лежащие на хранении деньги в банке. Яков Трофимыч считал свои капиталы на ощупь, и она, вместо сохранной расписки из банка, подсовывала ему простую бумагу. На первый раз она позаимствовала всего тридцать тысяч и надеялась их пополнить потом, когда Капитон найдет таежное дело. Муж все равно ничего не узнает, потому что никому, кроме нее, не доверяет. А денег осталось еще больше двухсот тысяч...

Так и пошло. Перед отъездом в тайгу Капитон проговорил:

– Ну, Агния, смела ты, а только добром все

это не кончится... Быть нам с тобой на одной веревочке.

– Пустяки: двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Агния Ефимовна только улыбалась. Что такое деньги? Только бы он, ясный сокол, посмотрел ласково, приголубил, обнял... Она была готова на все за одно ласковое слово. Жизнь в ней кипела. Капитон невольно поддавался ее обаянию и тоже готов был на все.

– А ты будешь вспоминать обо мне там, в тайге? – ластилась к нему Агния Ефимовна. – Жену вспомнишь, а меня позабудешь...

Вместо ответа Капитон только сжимал ее в своих могучих объятиях и поднимал на воздух, как перышко.

– Милый, любишь?..

– И люблю и ненавижу...

– Вот как я тебя... Не забывай. Пришли весточку. А в случае чего, за деньгами дело не встанет.

Совестно было Капитону прощаться с обманутой молодой женой, но он слишком далеко зашел – возврата не было. Он рассчитывал на одно, что отработает выкраденные у

Густомесова деньги и тогда будет чист. Ведь и деньги-то эти он же им дал, ежели разобратить правильно. Одним словом, начиналась та преступная логика, когда человек оправдывает себя во всем. Важен первый шаг, а там преступление покатится с горы комом снега.

Капитон уехал, а Егор Иваныч разнемогся и остался дома. Теперь уже могли вести таежные дела и без него, благо все было устроено, налажено и предусмотрено. Старик был счастлив, что мог запросто видаться с дочерью, которая приезжала его проводить каждый день. Хорошая была эта Аннушка, покорливая, серьезная – вся вылитая мать. Цены бы ей не было, если бы другой муж попался. Ну, да тут говорить нечего: от своей судьбы никто не уйдет... Егор Иваныч только вздыхал.

Много хороших вечеров скоротали отец с дочерью. Теперь Егор Иваныч мог с ней говорить, как с вполне взрослым человеком, и каждый раз убеждался только в одном, какую хорошую дочь вырастил. Раз, в минуту откровенности, он проговорил:

– Ах, Аннушка, Аннушка... Загубил я тебя.

Польстился на богатство, а теперь через мое-
то золото твои слезы льются.

– Ничего, тятенька, как-нибудь перетерплю... Опомнится Капитон Титыч.

– Опомнится? Горбатого-то, милушка, одна могила исправит...

Аннушка залилась слезами, спрятала свое лицо на отцовской груди и прошептала:

– Люблю я его, тятенька... К сердцу он пришелся.

– Ну, а он как? Любит?..

– Сначала-то очень любил, а теперь... я сама виновата, что не умела угодить.

– Постой, постой... г-м... Нет, тут что-то дело неладно. Да...

Здесь в первый раз у старика мелькнуло в голове подозрение на Агнию, но он смолчал и ничего не сказал дочери. Зачем ее тревожить напрасно?.. Никогда не любил старик увертливой и ловкой Агнии Ефимовны, а теперь, перебирая события последнего времени, не мог не заметить, что дело не чисто. Что-то уж весела Агния Ефимовна и на глазах у всех ластится к слепому мужу. Раньше-то не так было... Опытный старик достаточно видел на

своём веку и инстинктом почуял потаенную ложь. Да, что-то тут кроется... И Капитон неспроста переменялся к жене.

«Колдунья какая-то, – думал старик. – Ну, нет, погоди, матушка... Мы ещё посмотрим, чья возьмет».

Между прочим, Егор Иванович припомнил переговоры о новой компании, которую составил Капитон. Тоже дело не чисто, потому что негде им, прохвостам, было взять денег.

Немного поправившись, Егор Иванович отправился к Густомесову. Агнии Ефимовны как раз не случилось дома.

– В банк уехала, – объяснил слепой.

– Так, так...

– Она ведь у меня по всем статьям. Лучше меня дела все помнит...

– Так, как. Что же, дело хорошее... Да, хорошее. А ты все-таки того, Яков Трофимыч, не очень-то доверяйся. Великий соблазн идет от денег... Вот как-нибудь вечерком посчитали бы вместе твои капиталы...

– Ну, нет, спасибо. Считаю у себя зубы во рту...

Слепой обиделся и по пути припомнил,

как подсыпался к нему Лаврентий Тарасыч вот с такими же жалостливыми речами, а потом взял да и обжегорил в лучшем виде. И этот туда же... Нет, шалишь, хотя и пораньше родился.

Они расстались довольно холодно. Егор Иваныч тоже обиделся за недоверие. На лестнице он встретил Агнию Ефимовну.

– Здравствуй, хозяйюшка... Все хлопчешь?

– Умаялась, Егор Иваныч. Дела-то большие, а бабий ум короче воробьиного носа...

Агния Ефимовна сразу поняла, с чем приходил Егор Иваныч, и только улыбнулась. Немного опоздал старичок...

Важен первый шаг, а остальное приходит само собой. Устроивши первый подлог, дальше Агния Ефимовна пошла вперед уже с легким сердцем. В самом деле, не все ли равно, отвечать за тридцать тысяч или за триста? И что значат деньги, когда душа огнем горит? Агния Ефимовна окончательно завладела мужем, и он теперь верил только ей одной. Для своих целей ей нужно было заручиться таким же доверием Анны Егоровны, и она добилась этого. Дело в том, что в своих письмах к жене Капитон Титыч постоянно напоминал, чтобы она во всем слушалась Агнии Ефимовны. Анна Егоровна была рада хотя этим угодить мужу и постоянно защищала Агнию Ефимовну перед отцом.

– Чужая душа – потемки, тятенька, а, по моему, Агния Ефимовна – хорошая женщина. Трудно ей, бедной... С зрячим-то мужем горя не расхлебаешь, а тут изволь нянчиться с слепышом. Другая давно бы сбежала...

– Было бы куда бежать...

– Нет, ты ее не любишь, тятенька, и поэто-

му так говоришь.

– Ох, не люблю, Аннушка! Грешный человек, не верю ей... Вон она мужа-то как обошла. Я как-то заговорил с ним стороной про нее, так он вот как на дыбы поднялся... Съесть готов.

– Кому же и верить, как не жене?

– Глядя по тому, какая жена. А промежду прочим, не нашего ума дело: не наш воз, не наша и песенка. Что-то вот только около тебя, Аннушка, она уж очень обихаживает... Боюсь я.

– В скиту-то вместе сидели, ну и дружим. Натерпелась она там довольно... И не расскажешь всего... И теперь еще, как вспомнит, так и зальется слезами горькими Агния-то Ефимовна.

А Агния Ефимовна делала свое дело, не покладая рук. Она уже получила тайным путем от Капитона два письма. Дело у него не ладилось, и он просил все новых и новых денег. Счастье точно отступило от Капитона, когда он сошелся с Агнией Ефимовной. Все пошло через пень-колоду. А тут же рядом другие все богатели не по дням, а по часам. И все

получали свою часть... Лаврентий Тарасыч и Густомесов загребали деньги лопатой, а из-за их спины урвали свою долю и остальные, как Рябинины и Огибенины. В каких-нибудь два года уездный глухой городок сделался неузнаваемым, точно его залила золотая волна. Везде строились большие дома, справлялись богатые свадьбы, веселье катилось широкой рекой. Около больших людей наживалась и вся остальная мелкота. Страшное богатство хлынуло на всех, и все говорили только о таежном золоте.

Чужое веселье не давало спать только Агнии Ефимовне. Она ненавидела больше всех старика Лаврентия Тарасыча, памятуя его отношения, и повела свою бабью политику. Нашелся у нее и помощник, какой-то выгнанный приказный Кульков, писавший прошения по кабакам. Разыскала его Агния Ефимовна, призрела, одела, обула и начала сама учиться приказным кляузам. Пьяница Кульков знал все и в ее умелых руках сделался кладом.

— Ах, если бы утопить Лаврентия Тарасыча! — вздыхала Агния Ефимовна, слушая дело-

вые речи дошлого приказного человека. – Ничего бы, кажется, не пожалела... Дом тебе куплю, Кульков, ежели обмозгуешь.

– Утопить-то такого осетра трудненько, а напакостить можно в лучшем виде. Первое дело, надо его поссорить с Яковом Трофимычем...

– А как их поссоришь? Уж очень верит Яков-то Трофимыч Лаврентию Тарасычу... Старые дружки. Еще в степи фальшивые бумажки вместе ордынцам сбывали. Водой их не разольешь...

– В большом-то все умны, а мы их на маленьком подцепим, благодетельница. Москва от копеечной свечки сгорела...

И научил приказная строка уму-разуму. Все счета по промыслам были на руках у Агнии Ефимовны. Кульков разыскал в них одну графу, где был показан какой-то лишний расход на шарников. С этого и началось. Агния Ефимовна вперед подтравила мужа, а когда приехал Лаврентий Тарасыч, вся история и разыгралась, как по писаному.

– Да что ты пристал ко мне с шарниками? – вспылil Мелкозеров. – Не стану я тебя

обманывать...

– Да это все равно, Лаврентий Тарасыч, а денежки счет любят.

– Отвяжись, смола!.. Плевать я хочу на твоих шарников...

– Тебе плевать, а мне платить...

– Да ты за кого меня-то считаешь, Яков Трофимыч?

Тут уж вспыхнул Густомесов и отрезал:

– За благодетеля я тебя считаю, Лаврентий Тарасыч... Али забыл, как тогда пожалел меня и за здорово живешь получаешь теперь с промыслов любую половину. Да еще на шарниках нагреть хочешь...

И этот покор стерпел бы Мелкозеров – было дело, – не помяни Густомесов о шарниках. Лаврентий Тарасыч вскипел огнем, ударил кулаком по столу и заявил:

– Коли твои такие разговоры со мной, так я тебя и знать не хочу, слепого черта. Да еще тебе же нос утру...

Когда на шум прибежала Агния Ефимовна и принялась уговаривать вздоривших стариков, взбесившийся Мелкозеров оборвал ее:

– А ты чего тут свой бабий хвост подверну-

ла? Брысь под лавку...

Густомесов вскочил, затрясся и крикнул:

– Вон, Лаврушка!.. Знаю я тебя, заворуя... и сам тебе еще почище нос-то утру. Вон из моего дома...

Эта сцена послужила началом громадного процесса, тянувшегося целых двадцать лет и стоившего тяжущимся несколько миллионов. Стороны ничего не жалели, чтобы утопить друг друга, а около этого дела кормилась целая орда приказных. Кульков знал, как «отшить» «ндравного» толстосума, и заварил кашу. Агния Ефимовна торжествовала, избавившись так легко от последнего человека, который мог ей быть опасным. Она сама повела процесс и настраивала мужа. Яков Трофимыч мог только дивиться, откуда она все знает, – ни дать ни взять тот же приказный.

Когда Капитон вернулся из тайги по последнему пути, все дело было уже сделано. Он приехал невеселый, ночь-ночью. Да и нечему было веселиться: целых восемьдесят тысяч закопал Капитон в тайге, а заработал из-за хлеба на воду. Зато Агния Ефимовна еще никогда не была так весела.

– Все будет по-нашему, милый, хороший!... Отдохни лето, а осенью я тебя отпущу.

Заговорила, уластила Агния Ефимовна друга милого, и Капитон махнул на все рукой. Двум смертям не бывать, одной не миновать... Совестно было ему перед безответной женой, вот как совестно, а тут чужая жена за душу тянет, Пробовал Капитон сопротивляться, но из этого ничего не вышло.

– Ты только у меня пикни! – грозилась Агния Ефимовна. – Сейчас все на свежую воду выведу и вместе с тобой в Сибирь пойду...

– Ах, змея, змея... – удивлялся Капитон.

Подался даже Егор Иваныч, когда заварилось дело Густомесова и Мелкозерова. Агния Ефимовна сама пошла по судам и все признала. Старик только дивился, откуда что берется у бабы. Очень уж ловкая бабенка оказалась, такая ловкая, что и не видно было в Сосногорске. Всех обошла, везде у ней была своя рука.

– Ну, баба, – дивился старик. – Ей и книги в руки... Заперла она дух нашему Лаврентию Тарасычу. Вот как заперла...

Теперь уж Агния Ефимовна шла и ехала, куда хотела, и везде ей был почет и первое

место. Широко развернулась умная баба, на все руки была ходок, только своего сердца не могла утешить. Очень уж любила она Капитона, который только не ел из ее рук.

– Не тебе бы такую бабу любить, – говорила она, ласкаясь к Капитону. – Прост ты у меня, да еще делить тебя приходится с женой...

– Ну, ты это оставь... Анна тут ни при чем.

Агния Ефимовна теперь ревновала Капитона к жене и не могла никак совладать с собой. Все-таки она его жена, – из песни слова не выкинешь. Она следила за ними и мучилась, когда Капитон начинал жалеть жену. Агния Ефимовна возненавидела теперь несчастную женщину и поэтому была с ней особенно ласкова. Капитону делалось страшно, когда он видел их вместе. Он начинал бояться Агнии Ефимовны, как лошадь боится хорошего кучера. А она назло ставила его постоянно в такие положения, что вот-вот все раскроется и он пропадет ни за грош. Теперь Агния Ефимовна назначала ему свидания у себя в доме и целовала на глазах у мужа. Ей нужна была опасность, нужно было, чтобы Капитон боялся, нужно, чтобы постылый муж

нес кару за свое недавнее тиранство...

Мало этого, Агния Ефимовна являлась к Капитону, как к себе домой, и всем распоряжалась, как настоящая хозяйка. Даже прислуга не смела ничего сделать без ее приказа. Анна Егоровна все это видела, мучилась про себя, плакала, но никому и ничего не говорила. Раз только она сказала Агнии Ефимовне:

– Побойся ты бога, Агния, если людей не стыдишься...

– Какая ты глупая, Аннушка, – засмеялась Агния. – Было бы за что ответ держать да бога бояться... Вон и то говорят, что я любовница твоего мужа. А кто осудил, с того и грех взыщется...

Анна Егоровна сама не знала, есть что-нибудь у Капитона с Агнией или это ей кажется. Очень уж смело держала себя Агния. С нечистой-то совестью от добрых людей бегают, а она всем в глаза смотрит. Капитон был какой-то странный, и Анна Егоровна видела только одно, что он тоже побаивается Агнии. Хорошо было уж то, что Капитон не обижал жены и с глазу на глаз обходился с ней ласково.

– Тошно мне, Аннушка, – говорил он перед отъездом в тайгу. – Только и отдыхаю на промыслах.

Капитон был рад, когда лето прошло и он мог уехать из Сосногорска в тайгу.

– Смотри, мил-сердечный друг, не забывай меня, – наказывала Агния Ефимовна на прощание.

– Ох, не забуду, Агния... Надела ты мне веревку на шею.

– Своя жена веревка-то, а чужая на утеху молодецкую... Ах, ты, удал-добрый молодец, что крылья-то опустил?

XIII

Процесс Густомесова с Мелкозеровым точно послужил примером для других. Огибенины и Рябинины, работавшие вместе, тоже перессорились и тоже начали судиться. Спорные промысла оставались без дела, а нажитые в тайге капиталы пошли на тяжбы. В то же время коренные сибиряки не дремали и по готовым следам напали на таежное дело и, с своей стороны, подняли споры против сосногорских золотопромышленников. От Иркутска до Петербурга все суды были завалены этими делами. В тайгу посылались специальные комиссии для исследования дела на месте и только сильнее запутывали кипевшую войну.

Но самым громким процессом оставался все-таки густомесовский. Лаврентий Тарасыч рвал и метал, чтобы утереть нос противнику, и расстроил свои личные дела по заводам. Сильный был человек, но все средства были в делах, и приходилось рвать живым мясом деньги из разных статей. Вообще, выходило очень скверно. Раза два Мелкозеров подсылал

Егора Иваныча для переговоров с Густомесовым, но тот возвращался ни с чем.

– Приступу к нему нет, – объяснял старик. – В том роде, когда человек осатанеет...

– Ничего ты не умеешь сделать как следует, – сердился Лаврентий Тарасыч, топая ногой. – Сам поеду и все устрою...

– Кабы хуже не вышло, Лаврентий Тарасыч, потому как там эта самая змея... Все от нее.

– Ты меня учить?!

Егор Иваныч только пожал плечами. Мелкозеров, действительно, отправился сам к Густомесову и этим уже сделал шаг к примирению. Ведь сколько лет дружили, хлеб-соль водили, а тут из-за каких-то шарников подняли смуту... Мелкозеров ехал с самыми миролюбивыми намерениями, которые разбились сейчас же, как только он вошел в густомесовский дом. Его встретила Агния Ефимовна и довольно дерзко спросила:

– Вам кого нужно, Лаврентий Тарасыч?

– Как кого? – вскипел старик. – Чей дом, к тому и приехал...

– Дом мой...

Мелкозеров надел шапку, молча повернулся, плюнул и вышел. Только напрасно себя срамил. Надо было слушать Егора-то Иваныча... Агния Ефимовна торжествовала свою самую большую победу, рассказывая мужу, как она встретила гордого толстосума.

– Ловко ты его обзатылила! – восторгался Яков Трофимыч. – Плюнул, говоришь? Ха-ха... Не поглянулось. Отваливай в палевом, приходи в голубом...

– Это он раньше засылки делал через Егора Иваныча, а теперь сам раскочился...

– То-то озлился, бедный! Ловко... Все хвалился нос утереть мне, а тут самому утерли.

– Еще не то будет, дай срок...

– Верно, Агньюшка. Ничего не пожалею, чтобы извести его...

Эти успехи уже перестали радовать Агнию Ефимовну. Что она ни делала, а главное все-таки оставалось: слепой муж держал ее, как железная цепь, а Капитон принадлежал другой. Много передумала Агния Ефимовна, и так и этак раскидывая умом, а выходило одно. Ну, в лучшей случае, муж умрет – Аннушка останется. Аннушка умрет – муж останется.

ся. А когда оба они умрут, пожалуй, и не дождешься. Потом Агния Ефимовна заметила печальную вещь, именно, что за последние два года сильно состарилась. Пока сидела в неволе – все было хорошо, а теперь подкралась старость, как вор... И никуда не уйдешь, ничего не поделаешь. А тут еще, как назло, Анна Егоровна похорошела. Здоровая такая стала, белая, молодая, одним словом, кровь с молоком. Приедет Капитон из тайги и променяет чужую жену на свою.

Агния Ефимовна решилась на последнее средство. Она вызвала Капитона из тайги и заявила ему, что они вместе поедут хлопотать по делу с Лаврентием Тарасычем в Петербург.

– Этого Яков Трофимыч хочет, – объяснила она, глядя вопросительно на милого друга. – Вот поговори с ним сам...

Капитон ожидал всего, но только не этого. Он ушам своим не верил. Густомесов принял его одного, велел запереть все двери и повел серьезные речи.

– Сердился я на тебя, Капитон, а теперь надоело... Не стоит. А лучше ты сослужи мне службу, съезди с Агньюшей в Петербург. Лов-

кая она у меня, оборотистая, а все-таки куда одна баба повернется... Только одно тебе скажу: не очень-то она тебя любит. Так уж ты того, как-нибудь сократи свой карахтер. Не всякое лыко в строку... Да и не молода она сейчас-то, так тебе и покориться в самую пору.

Агния Ефимовна повела дело так, что муж должен был упрашивать ее ехать с Капитоном. Она для приличия поломалась и согласилась только с тем условием, если поедет вместе Аннушка. Это был второй акт комедии. Анна Егоровна отказалась от поездки наотрез, с настойчивостью, удивившей даже Агнию Ефимовну, точно это была совсем другая женщина.

– Поезжайте лучше одни, – уговаривала она мужа. – А мне что-то нездоровится, да и отец тоже все что-то припадает...

Эта поездка была отчаянным ходом со стороны Агнии Ефимовны. Она своими руками разрушала работу нескольких лет и шла вперед очертя голову. Единственная мысль овладела ею безраздельно... Пожить с Капитоном хоть один месяц, как живут другие. А там пусть будет, что будет... Старость была на но-

су, и терять времени не приходилось.

– Теперь ты мой, мой... весь мой! – шептала Агния Ефимовна, когда они выезжали из Сосногорска с Капитоном на почтовых. – Час – да мой...

Капитон угрюмо молчал, предчувствуя что-то недоброе. Он вообще заметно охладел и тяготился этой связью, опутавшей его по рукам и по ногам. Когда Агния прижималась к нему головой или плечом, он испытывал неприятное чувство, точно его начинало что-то давить.

– Любишь меня? Ведь любишь? – шептала Агния, напрасно стараясь заглянуть ему в глаза. – А я знаю, о чем ты думаешь... Ты о жене скучаешь.

Вместо себя при Якове Трофимыче, уезжая, Агния Ефимовна оставила Кулькова. Как это случилось – проболтался ли Кульков спяна, или выдал свою благодетельницу сознательно, или проснулась в нем совесть, – но не прошло двух недель после отъезда, как вся история устроенных Агнией Ефимовной хищений раскрылась во всей полноте. Говорили, что

Кульков куплен был Лаврентием Тарасычем, что его запугал Егор Иваныч; но это все равно, — он после своего предательства прожил только один месяц, и в его скоропостижной смерти обвиняли Агнию Ефимовну, хотя она и была в Петербурге.

В одно прекрасное утро Густомесов послал за Егором Иванычем. Когда старик приехал, Густомесов принял его келейно и заявил свои сомнения относительно сохранности своих капиталов. Осторожный Егор Иваныч пригласил еще третье достоверное лицо и только тогда приступил к проверке густомесовских капиталов. Оказалось, что наличность представляла скромную цифру в сорок тысяч, а четырехсот тысяч не доставало. Вместо банковых билетов оказалась простая белая бумага, которую Яков Трофимыч берег в железном несгораемом шкафу. Но этого было мало. У Агнии Ефимовны была от мужа полная доверенность, и по этой доверенности она набрала денег направо и налево, где только могла набрать. Кто же мог не поверить Густомесову? В общем, сумма растраты простиралась до миллиона, а Густомесов оказался чуть не нищим.

Удар был настолько велик и неожидан, что Яков Трофимыч повторял только одно:

– Не понимаю... Ничего не понимаю. Это Капитон грабил меня. Это его дело...

Возникло новое громкое дело. Капитон и Агния Ефимовна были возвращены в Сосногорск этапным порядком и заключены в тюрьму. По старым порядкам суд тянулся несколько лет, и обвиняемые все время сидели в тюрьме. Агния Ефимовна от начала до конца выдержала характер и не признала за собой никакой вины: знать не знаю, ведать не ведаю. Как с ней ни бились, но довести до сознания не могли, а старый уголовный суд держался именно на признании самого обвиняемого. Мало этого, – она запутала в деле много других, которых обвиняла, главным образом, во взяточничестве, вымогательствах и сообщничестве. Дело разрасталось все больше, так что даже сами судьи были не рады ему. Капитон не сдавался года три, а потом махнул на все рукой и принес повинную. Когда это передали Агнии Ефимовне, она со спокойной улыбкой заметила:

– Кто повинился, с того и взыскивайте...

Восемь лет тянулось дело, пока Агния Ефимовна предстала пред судьями. Но и тут вышел казус: Густомесов скоропостижно умер накануне. Некому было обвинять, и громадное дело рухнуло само собой. Присутствовавший на заседании Егор Иванович думал свою горькую думу: не открой он таежного дела, ничего бы не было, а главное, не загубил бы он дочери...

– Да, хорошее приданое я тебе приготовил, Аннушка...

Оправданные судом Капитон и Агния Ефимовна сейчас же уехали в Сибирь, и об них не было ни слуху ни духу.

Первый вал бешеного сибирского золота пролетел, и в Сосногорске наступило тяжелое похмелье после пира горой.